

Симона  
Вилар



Светорада  
Золотая

Светорада

Симона Вилар

**Светорада Золотая**

«Автор»

2008

## **Вилар С.**

Светорада Золотая / С. Вилар — «Автор», 2008 — (Светорада)

Древняя Русь. IX век. Всякое рассказывали о смоленской княжне Светораде: и красива она, и коварна, и головы женихам любит морочить, а капризам и прихотям ее нет числа. И тем не менее именно к ней посватался молодой киевский князь Игорь. Несмотря на то что Олег Вещий привез ему из Пскова другую невесту – Ольгу. И Ольга готова на все, чтобы разлучить Игоря со Светорадой. Помочь ей в этом взялся молодой стрелок Стемид, которого некогда Светорада едва не погубила. Но никто из них не ведал, кого же выбрала сама прекрасная княжна.

© Вилар С., 2008

© Автор, 2008

## Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	49
Глава 5	58
Глава 6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

# Симона Вилар

## Светорада Золотая

### Глава 1

#### *Весна 898 года*

Песок под ногами проваливался, сползал по склону, и Ольга все топталась на месте, увлекаемая назад тяжелым заплечным мешком с камнями. Новый рывок, еще один шаг, сбивающееся дыхание... Песок опять поддался, такой тяжелый и сыпучий, сбегаящий вниз, словно вода по крутому склону.

А вверху песчаного откоса, там, где стояли уже взобравшиеся на кручу дружинники, слышались шутки, смех, даже обидный свист. Они уже одолели подъем, их не затащила эта сыпучка, не опрокинули тяжелые мешки за спиной. Ольга же все месила песок на одном месте, веселя наблюдавших сверху дружинных побратимов. Тоже мне, побратимы... Хотя, не будь она так утомлена после бессонной ночи, после страстных ласк молодого князя, не чувствуй она обычной бабьей слабости в пору беременности, может, и она смеялась бы над кем-то, взбежав на кручу раньше других.

Молодой князь Игорь – красивый, статный, с разметающимися по плечам темными волосами, с упавшей на синие глаза седой прядью – тоже хохотал. Даже выкрикнул:

– Что ж ты за воин, девка, если склон пустячный одолеть не можешь!

Допустим, не такой и пустячный. Кручи военной крепости Самват высоко поднимают срубы построек над Оболонью. Но раньше Ольга справлялась с этим немудреным восхождением, избегала не хуже других.

Песок все осыпался, дыхание срывалось... А тут еще силы иссякли, заплечный мешок стал вообще неподъемным. Она так и опрокинулась, съехав вниз на спине. Вверху раздался новый взрыв смеха. Ольге было обидно до слез. На хохочущего Игоря и глядеть не хотелось. Ведь целовал же, миловал, сплетался с ней в жарких объятиях до самой зорьки. Другая после столь бурной ночи и встать бы не смогла. Она же присоединилась к дружинникам и на утренней разминке-потехе носилась со всеми, прыгая через жердины, ныряла с кручи в холодную при нынешней запоздалой весне днепровскую воду, плыла сильными гребками. Когда же Игорь велел взвалить на плечи камни и бежать по склону... А ведь она сказала ему этой ночью, что понесла от него... Игорь будто и внимания не обратил. Держался невозмутимо, как всегда, погнал ее на обычные воинские упражнения – не хотел, чтобы остальные знали, что у него страсть Удова<sup>1</sup> с поляницей<sup>2</sup> из дружины...

Отряхиваясь от песка, Ольга попыталась подняться. Но тело не слушалось, мешок снова опрокидывал ее на песок. Барахталась, как... Как дура какая-то слабая. Как жук-рогач, который упал на спину и сучит жалко лапками...

Она заметила, как один из побратимов, стрелок Стемка, соскочив с кручи, хотел подойти помочь.

– Стоять! – крикнул Игорь. Зло так крикнул, гневно. – Ольга желала нам всем показать, что ей нипочем стать поляницей киевской. Вот пусть и покажет.

У Ольги слезы навернулись на глаза. Ну погоди же! Справлюсь, смогу! Она перевернулась на бок, крепко ухватила за врезавшиеся в плечи ремни мешка и сумела-таки подняться.

---

<sup>1</sup> Уд – у древних славян бог сладострастия и плотских желаний.

<sup>2</sup> Поляница – женщина-воин, богатырша.



Тяжело поднялась, едва не со стоном. И мелькнула вдруг страшная догадка: не нарочно ли Игорь ее гоняет, чтобы скинула нагулыша от него девка настырная.

– Стема, стоять! – вновь прикрикнул Игорь сверху, когда паренек все же сделал несколько шагов к ней вниз по склону.

Увязая босыми ногами в песке, Ольга дышала тяжело, двигалась рывками. В какой-то момент различила, что смех наверху вроде притих. И раздался голос – спокойный, властный, твердый:

– Делай, что собирался, Стемид. Помоги девице.

Даже не взглянув, Ольга узнала в говорившем Олега, князя старшего. Ему Игорь не указ, оттого тот и смолчал. Правда, оглянулся резко на Олега, поглядел потемневшими от гнева глазами.

Стема наконец поймал Ольгу за локоть, помог одолеть остаток песчаной кручи. Наверху она скинула тяжелый мешок и несколько мгновений не могла выпрямиться, стояла наклонившись и упершись руками в обтянутые кожей штанов колени, дышала жарко. Вокруг было тихо.

– Это мой отряд, – негромко, но с нажимом сказал князю Олегу Игорь. – Ольга сама решила войти в дружину, и послаблений ей не будет. Даром что краса. А баловать ее начнешь... Забирай, откуда привез!

Ольга все же взглянула на старшего князя. Олег сидел верхом, богатый синий плащ сколот на плече красивой пряжкой, на длинных светлых волосах обшитая соболем шапочка. Лицо спокойное, полное достоинства. Зеленоватые прищуренные глаза глядят с какой-то легкой печалью. На нее глядят, на Ольгу. На Игоря князь и не посмотрел, когда, перегнувшись в седле, протянул девушке руку.

– Со мной поедешь.

Она послушно вложила руку в сухую, горячую и сильную ладонь князя. Поставила босую ногу на его узорчатый сапожок в стремени, ощутила рывок и сама подалась вверх. Мгновение – и она уже сидела на крупе коня за спиной Олега.

– Вот-вот, забирай ее! – крикнул им вслед Игорь. – Навязал мне девку псковскую, а я возись. Много о себе возомнила... Прекраса, мать ее...

Олег неожиданно повернул коня. Ольга спряталась за его плечом. Больше всего она опасалась, что все вокруг... что Игорь заметит, как глаза ее наполнились слезами.

– Игорь, приедешь вечером ко мне в детинец<sup>3</sup>, – не повышая тона, молвил Олег.

Он вообще редко когда повышал голос. Ему это было без надобности – могущественного князя русов Олега Вещего и так слушались с полуслова, с полувзгляда. И только Игорь, Рюриков сын, мог иногда быть дерзким с мудрым старшим соправителем. По сути – правителем. Ибо Олег так и не отдал власть в Киеве сыну Рюрика.

Князь правил конем, а Ольга сидела за ним, понутив голову. Как ни сдерживалась, слезы все-таки полились из глаз. Даже всхлипнула горько. Олег сразу это заметил.

– Не реви. Будущей княгине срам на людях слезы лить.

– Какой княгине? – вновь всхлипнула Ольга. – Он меня как... Ох, пора, видимо, мне возвращаться на Псковщину.

– И не думай о том!

Олег пришпорил коня. За ним поскакали трое его верных кметей<sup>4</sup> – свита.

Ольге хотелось верить Олегу. Вещему Олегу, который все знал обо всех, мог и будущее предугадывать. Вот сказал же – княгиней будет. Ольга отвела от лица выбившиеся из косы пряди волос, гордо вскинула голову. Хотя какая тут гордость – сидит за князем растрепан-

---

<sup>3</sup> Детинец – крепость внутри городских укреплений, кремль.

<sup>4</sup> Кмети – опытные, умелые воины в дружине князя.

ная, босая, как чернавка какая-то, рубаха пузырем полощется на прохладном весеннем ветру. Штаны кожаные лопнули на колене. Княгиня... Хм.

Но каковы бы ни были ее обиды, все же она ехала на одной лошади с могущественным князем. Они уже миновали низинные земли Оболони, проехали и гору Щекавицу с башенками теремов наверху, оказались в шумной толчее Подола.

Люди расступались перед княжеским конем, снимали шапки, кланялись.

– Сам Вещий, гляди-ка!

– Многие лета тебе, князь пресветлый.

– Меду стоялого не желаешь ли изведать, Олег Киевский?

Князя в Киеве признали, полюбили. Кто теперь вспомнит, что прибыл он в стольный град на Днепре захватчиком неожиданным, что погубил прежних князей – варягов Аскольда и Дира... Людям не то важно, что один варяг скинул других, а то, что не предал город разорению и пожару. Более того – сказал: быть Киеву матерью городов русских! И ведь не обманул. Разросся при нем Киев-град, разбогател, возвысился. Все племена окрестные ему теперь дань платят: и древляне лесные дикие, и богатые хлебом мехами, и радимичи осторожные. А когда поляне дань хазарам-степнякам платили – в Киеве о том уже и не вспоминают.

У подъема на Гору Старокиевскую, где высится кремль-детинец и терема самых нарочитых<sup>5</sup> людей стоят, начинался пологий широкий подъем – Боричев узвоз. Здесь Олег придержал коня, пропуская вперед медлительных круторогих волов, тащивших возы с гладко оструганными досками и длинными бревнами, – видать, строится кто-то на высокой горе, украшает свое жилище. Олег довольно улыбнулся в бороду, однако тут его внимание привлекли неожиданно возникшие сбоку два всадника на лохматых горячих лошадках, – оба чернявые, с завитыми усами. Их округлые шлемы были низко надвинуты на лоб, у коней с удил свисали пышные лисьи хвосты.

Это были угры, степной народ, кочевники. Пришли они не так давно к киевским кручам несколькими родами, просились пожить тут, пока остальные родичи их угорские не подтянутся. Ну а там, уверяли, переправятся через широкий Днепр и двинутся дальше на заход солнца. Дескать пострадали они от кого-то в степях, житья не стало, вот и надумали переселиться.

Их пустили. Киев город торговый, сюда кто-то только не приезжает по делам или по пути в свою сторону. Уграм даже выделили место в стороне от града, на берегу Днепра под кручами. Даже стали называть то место Угорским. А потом стали замечать, что похоже пришлые никуда особо не торопятся. Более того, чем больше их отрядов и их кочевий прибывало, тем они больше окапывались, обживались, а с местными держались все более дерзко.

Вот и сейчас князь наблюдал, как два конных угра, стремясь обогнать на подъеме возы, стали теснить их, один даже принялся стегать плеткой возничего. Да еще кричал:

– Ходи прочь – я тут еду!

Олег повел глазом на своих кметей, и те выехали вперед, держа длинные копыа поперек седла. Внушительного вида рослые русы в добротных кольчугах и высоких шишаках сразу потеснили пытавшихся устроить беспорядок пришлых. Послышалась ругань, кто-то схватился за кривую саблю, залопотал что-то на своем языке.

Олег быстро выехал вперед:

– Пошто вы, угры буйные, забываете уговор?

– Какой такой уговор? – огрызнулся один из них. – Не знаем никакого уговора.

– Не знать не худо. Худо знать, а дурнями прикидываться.

Угры разразились громкой бранью, один из них даже поднял на дыбы коня.

– Я покажу тебе, пес русский, как меня...

---

<sup>5</sup> Нарочитые – богатые, знатные.

Он не успел договорить – один из кметей князя ловко ударил его по лицу древком копья, так что дерзкий кубарем слетел с седла, упав на дорогу. Вокруг засмеялись киевляне. Однако в воздухе все же чувствовалось напряжение. Кто-то крикнул:

– Бей их, витязь! Покажи диким уграм, что значит нашего князя так называть!

Олег поднял руку, призывая к вниманию.

– Бить их не станем, однако пусть уходят прочь. А вам, – обратился он к встававшему с земли угру и к его товарищу, который сдерживал волнующегося коня, – вам я напомним уговор: въезжать угорским торговым людям в Киев позволено, но на Гору хода нет. Как и не допускается чинить в городе бесчинства и устраивать беспорядки. Поэтому отправляйтесь отсюда подобру-поздорову. Вам отведено урочище под Угорской горой – там и держитесь себе.

Угры сердито переглядывались, но, заметив с каким глухим ропотом вокруг них сжимается толпа, предпочли посторониться. Они уже отъезжали, а вслед им все еще неслись брань и свист.

– Видишь, что творится, Прекраса? – выезжая на подъем, заметил Ольге Олег. – Боюсь, добром это не кончится.

– И зачем ты, княже, позволил уграм стоять станом подле Киева? Шли бы себе и шли куда подальше.

– Думали, миром с ними уладить, – не оглядываясь, ответил Олег. – Сперва ведь их совсем немного было, жалкие, потрепанные, с женами, детишками. Другие степняки печенег, дескать их прогнали с привычных угодий. Но опасаясь теперь, что схитрили угры. Вон их сколько прибывает и прибывает. И про уговоренный переезд не вспоминают.

– Значит, быть сече?

Олег чуть повернул к ней голову.

– Это ты речи Игоря повторяешь или как?

Ольга промолчала. О том, что Игорь ждет не дождется, как бы схлестнуться с уграми, она знала. Но сказала другое:

– Сечи теперь избежать трудно. Но, опасаясь, стон и плач тогда над Киевом будут стоять. Угры в бою смелы и решительны, а дружины киевские после походов ослабели. Вот если бы собрать такое воинство, чтобы угры не единожды подумали, что им предпочтительнее – идти на земли новые или омыть угорской кровью берега Днепра, тогда и можно было бы думать о сече.

– Все ты, Прекраса, верно говоришь. Все понимаешь, – усмехнулся Олег. Но через миг, посуровев, добавил: – Одного только не уразумела: если за молодым князем Игорем бегать будешь, не то что княгиней его не станешь, а даже почтение к себе потеряешь.

Ольга вздрогнула. И вновь вспомнилась недавняя обида. Зачем только Олег напомнил... Но не напомнил бы, сама извелась бы кручиной. А как не кручиниться? Забыл видно Игорь, как сам же позвал ее из Пскова в Киев, женой, суложью милой, обещался назвать, княгиней своей сделать...

Князь Олег въехал в мощные ворота детинца. Здесь все было прочным и надежным. Огромные срубы башен высоко возносились над кручами, между ними земляные насыпи с крепким тыном заостренных бревен, на деревянных забороллах<sup>6</sup> воины несут службу. Посредине – терем-житница князя Олега. Срубленный еще при Дире с Аскольдом, он сделан основательно, но, на взгляд Ольги, уж больно грубо. Будто это не жилище могущественного владыки, а простая изба, разве что размером побольше да со вторым поверхом рубленным. Игорь тут бывает редко, предпочитая больше времени проводить в Самвате с верной дружиной.

---

<sup>6</sup> Заборол – деревянная галерея у частокола крепости, откуда воины могут обозревать окрестности.



Когда Ольга вошла в гридницу<sup>7</sup>, она ожидала, что Олег начнет с ней речи вести, как бывало прежде. Она любила беседовать с ним, любила, когда мудрый князь разговаривал с ней не как с девкой обычной, а как с мудрой советчицей: спрашивал ее мнения, а что-то и сам советовал. Но Олега с утра дожидались бояре да старшины городских концов<sup>8</sup>, поэтому он только указал девушке в сторону лестницы, уводившей в верхние покои.

– Там дождайся. А еще лучше ляг отдохни. Усталой выглядишь, словно и не спала.

И вроде бы ничего такого не сказал, а Ольга так и вспыхнула. Олег – он Вещий. Ей же совсем не хотелось, чтобы князь знал, что между ней и Игорем прошлой ночью происходило.

А ведь происходило же... И счастлива она была, когда, прильнув к сильному телу любимого, умирала от томления в его объятиях сладких... Ради этих мгновений она на многое пошла. Ради этого она вообще приехала в Киев.

В верхней горнице на бревенчатых стенах развешаны оружие и пушистые шкуры. Вдоль всего помещения – лавки, крытые алым сукном. Таким же сукном накрыт и стол у окошка. Над ним висит щит самого Олега – округлый, из литого металла, гладкий, но с красивой чеканкой по ободу.

Для Олега это только щит, а для Ольги... Она торопливо огляделась – не видит ли кто, и, быстро подойдя, всмотрелась в свое отражение. Металл выпуклого щита искажал изображение, и все же Ольга могла рассмотреть себя. Высокая, полногрудая, со стройной белой шеей, прямым разворотом плеч. Словом, видная девица, даром что в простой рубаше. Лицо продолговатое, рот яркий, пухлый, нижняя губа чуть раздвоена – как плод вишни. И ямочка под губой такая славная. Да и нос не подкачал – прямой, удлиненный, с изящно вырезанными ноздрями. И пусть выбившиеся русые пряди висят жалко вдоль лица, зато переброшенная на грудь коса, толстая и длинная, – и впрямь девичья краса. Но особенно хороши у Ольги глаза – светло-серые, словно туман, и осененные длинными, красиво загнутыми ресницами.

Ольга вздохнула. Три года назад и заприметил ее из-за этих ресниц прибывший из Киева в Псков молодой князь Игорь Старый. «Старым» его называли из-за пряди рано поседевших волос, особенно заметной на фоне остальных, темно-каштановых, почти черных. Ольге тогда так и сказали: мол, прибыл седой князь из Киева, страсть как понравившийся девкам псковским. И ей стало любопытно глянуть, чем это седой князь так псковитянок покори́л. Но оберегавшие ее волхвы Дажьбога плодородного идти в город тогда ей не велели. Вот она и отправилась рыбачить на реку. И, как оказалось, на свою беду.

Вспоминая это в горнице киевского князя, Ольга глядела на оплывавшую в высоком шандале свечу. Огонек чуть колыхался от ветра, влетавшего в отодвинутый ставень. На улице давно рассвело, а свеча все горела. Об этом напони́ла Ольге, буркнув, старая ключница Олега, которая принесла госте перекусить. Старуха она была верная, но ворчливая. В тереме детинца она жила хозяйкой еще у прежних князей, за всем следила, все берегла. Вот и теперь, поставив на стол миски со снedyю, прежде всего задула свечу.

– Что ж ты, девка, воск-то жжешь без надобности? Ишь, не свое – не жалко. А вот жила бы тут да помогала мне по хозяйству, глядишь, и Игорь бы к тебе чаще навевался. И что за стыдоба такая – девкам в портки рядиться да с мужиками в дружинной избе жить! Не иначе как от варягов пришло́й обыча́й такой негодный переняли.

Ольга не желала спорить с дурой бабой. Молча сняла с казанка вышитый рушник – масляная гречневая каша лежала в казанке горкой, рядом на блюде – пироги с капустой, в глечике глиняном маринованные белые грибы. Ольга достала длинный нож и отрезала себе большой кусок ароматного сала копченого. Поглядев, как гостя орудует тесаком, старая ключница только сплюнула возмущенно.

---

<sup>7</sup> Гридница – обширное помещение, где князь собирался с дружиной и боярами, своеобразный приемный зал.

<sup>8</sup> Конец – в древнерусских городах окраина какого-то района, посада.

– Завели обычай – девкам в парней рядиться.

Однако Ольге это было привычно. Она и в Пскове все парнишкой наряжалась. Но там ей сами волхвы велели, имелась на то причина. Ольга Псковская была внучкой Вадима Храброго<sup>9</sup>, память о котором чтили славяне, живущие вокруг Новгорода. Немудрено, что Рюрик желал от потомков недруга избавиться, да только волхвы спрятали сына Вадима. Тот жизнь прожил короткую и тихую, женился на псковитянке, дочь породил, да и отлетел душой в светлый Ирий<sup>10</sup>.

Ольга отца не помнила, зато о деде Вадиме слышала много, гордилась им, своим происхождением и тем, что псковитяне ее княжной величали. Хотя и жила она уединенно, нигде, кроме Пскова, не бывая и прячась под личиной отрока, чтобы лазутчики Рюрика, а потом и Олега, не узнали, где она хоронится.

А потом настало то знойное лето, когда стали поговаривать о раскрасавце князе Игоре, сыне Рюрика, величая его Старым. Ольга тогда подсчитала, настолько ли стар сын погубителя ее деда Вадима. Счету волхвы хорошо ее обучили, и она знала, что родился Игорь незадолго до кончины князя Рюрика, а значит, старше ее на каких-нибудь три лета. Так какой же он старый?

В ту пору ей только четырнадцать исполнилось. Была она девушкой развитой и видной, и волхвам все сложнее становилось выдавать ее за отрока. А звали ее тогда... Ах, какое славное было у нее имечко – Прекраса. И псковитяне говорили, что недаром так нарекли красавицу, внучку Вадима. Она еще девчонкой была, а к ней уже парни с гостинцами хаживали, задевали незлобливо и только посмеивались, когда Прекраса их прочь гнала: была она строга, даже грубовата. Да и чего ждать от девицы, которая парнем наряжается и с луком да неводом лучше управляется, нежели с веретеном и куделью.

Вот в то лето, когда ее не пустили на Игоря поглядеть, она ушла подальше от города и рыбачила на реке, прозывавшейся Великой. День уже к вечеру стал клониться, когда с берега ее вдруг окликнул громкий мужской голос. Оглянувшись, она увидела вышедшего из зарослей статного молодого парня в яркой алой рубахе. Незнакомец стал приказывать, чтобы она причалила и перевезла его на другую сторону реки, дескать он отстал от охоты, сбился с пути и не может вернуться к своим людям в Псков.

Прекраса сразу догадалась, кто перед ней: сын того, кто убил ее деда Вадима. Однако почему-то злиться у нее не получилось. Может, любопытство превозмогло, может, меч на бедре у Игоря производил грозное впечатление, а может, просто понравился ей этот витязь с падающими до плеч темными волосами и седой прядью над круто изогнутыми черными бровями. Вот она и подвела лодку к берегу, а потом гребла, чтобы высадить его там, где противоположный бережок был не так заболочен. Сама же глядела на него не отрываясь. И что-то случилось с ней в тот миг. Она смотрела на сильную шею, где расходились завязки его щегольской красной рубахи, на широкие плечи, на красивое лицо с ястребиным носом и ярко-синими глазами, такими красивыми на смуглом лице воина, рядом с темными кудрями...

Да и Игорь, поначалу лишь мельком взглянувший на юного перевозчика, стал приглядываться более внимательно. Прекраса решила: ничего, она ведь в штанах, поверх рубахи вышитая безрукавка, коса спрятана под войлочным колпаком. Однако Игорь вдруг заулыбался.

– Ай да реснички, ай да глазки! Да ты не девка ли часом, лодочник?

И прежде чем она успела руки от весел оторвать, он уже был рядом, снял колпак с ее головы и расхохотался.

– О великий Перун! И кто это надоумил тебя, девица, такую красу от людей прятать?

<sup>9</sup> Вадим Храбрый (?—864) – вождь новгородцев, внук Гостомысла. Поднял восстание против Рюрика и был убит им.

<sup>10</sup> Ирий – в древнеславянской мифологии рай; место, где всегда весна и куда улетают птицы в холодную пору.

И тут же стал обнимать, прижал к себе, потянулся губами к ее лицу, словно не замечая, что она отбивается. Лодка под ними закачалась, одно весло выпало из уключины, неводом опутало ноги.

И где у Прекрасы нашлись силы отпихнуть от себя такого крепкого парня? Может, испугалась, может, вспомнила, кем они друг другу приходятся. Да только едва объятия ослабли, как Прекраса со всей силой стукнула насильника веслом по голове. Крепко стукнула.

Потом, уже на берегу, самой же пришлось приводить его в чувство, смывать кровь со лба.

Похоже, Игорь все-таки понял, что девка эта не для него. Потому, когда очнулся, вел себя уже спокойнее и обиды не выказывал. Сказал только, что не простил бы ей Олег Вещий, если бы она его наследника насмерть веслом пришибла.

Прекраса наварила на костре ухи и попотчевала молодого князя. Сама же болтала с ним не переставая, вопросы разные задавала, опасаясь, как бы он вновь приставать не начал. Даже если ей и хотелось этого, старая вражда родителей стояла между ними. Так ей тогда думалось. Проговорили они дотемна, а на вопрос Игоря, отчего она так неласкова с ним, Прекраса ответила, что честь рода блюдет и не хочет с первым встречным под куст ложиться, будь он хоть князем. И чем же она тогда так пленила Игоря, раз и на следующий день он пришел к тому месту на реке?

Тогда Прекраса впервые не рассказала о случившемся воспитателям волхвам. Да и волхвы оказались не так уж догадливы, раз не заметили, что с их подопечной творится. Она жадно вслушивалась в их речи о том, что Игорь-де, вместо того чтобы с дружиной в Новгород отправиться, остался в Пскове из-за негаданной любви к какой-то лесной красавице. Волхвам и на ум не пришло, что пленила молодого князя их воспитанница. Они Прекрасу все еще девчонкой малой считали, а никак не красавицей, способной увлечь сына убийцы Вадима Храброго. Она же, говоря всякий раз, что отправляется на охоту, прибегала на бережок, в условленное место, где они встречались с Игорем.

Он рассказывал ей о Киеве, о далеких степях, где с дружиной вступал в схватки с черными хазарами, о своем воспитателе Вещем Олеге, который и щукой может плавать в воде, и волком рыскать по лесу, и ясным соколом взлетать в поднебесье, и оттого знает про все на свете. Прекраса же сообщала, где тут на болотах берут руду, из которой получают железо для доброго булата, где есть священные места, где волхвы-кудесники гадают о будущем. Молодым людям хорошо было вместе и всегда находилось, о чем поговорить. Может, потому Прекраса и забыла, что перед ней сын врага, и однажды под вечер все же дозволила Игорю обнять ее, ласкать и целовать в покорно раскрывшиеся уста...

Сейчас, вспоминая о том времени, Ольга испытывала жгучую тоску. Тихо было в горнице, но не тихо в самом тереме. Откуда-то долетали голоса, шум учений на плацу детинца, рев трубы на капище Перуна, возвещавший, что настал полдень. Ольга давно отодвинула миски, сидела, опершись подбородком о сжатые кулачки и глядя на свое отражение в изогнутом щите Олега.

Да, тогда Игорь любил ее, она это чувствовала. Неужели теперь она стала хуже, чем в то жаркое лето, когда он все тянул с отъездом ради ее жарких объятий и поцелуев?

Ольга откинула от лица разметававшиеся пряди. Растрепанная, усталая, бледная, круги под глазами после бессонной ночи. И еще беременная. От последней мысли стало совсем горько. Кажется, радоваться бы надо, что Жива<sup>11</sup> позволила ей понести от милого. Но она помнила, как, узнав о ее беременности, Игорь хмуро замкнулся и ушел торопливо. Ну а потом погнал вместе со всеми с запечным мешком на кручу...

По щеке Ольги легкой щекоткой пробежала слеза, еще одна, а потом и вовсе слезы полились ручьем, орошая алое сукно на столешнице.

---

<sup>11</sup> Жива – божество плодородной силы и жизни у древних славян.

Когда за дверью раздались шаги и появилась девка-прислужница, Ольга, словно пугливый зверек, отскочила от двери, торопливо взобралась на высокие полаты и затаилась за шторкой. И пока девка внизу шуршала веником, Ольга, зная, что в княжьем тереме ее не побеспокоят, вновь погрузилась в воспоминания о том своем счастливом лете...

...Игорь в тот день приехал верхом. Был он в дорожной одежде, лицом хмур, поглядывал виновато.

– Моя бы воля, век от тебя не уезжал. Но я князь, мне с людьми встречаться надо. Да и Олег недоволен, что так долго в Пскове задержался. Нынче гонец от него прибыл с повелением в путь-дорогу отправляться.

У Прекрасы тогда все в груди оборвалось. Смотрела на Игоря и молчала. Разве так милого провожают? Но Игорь и без слов понял, что с ней. Обнял ласково, приголубил, поцеловал в пробор.

– Ты только дождись, лада моя. Сам не приеду – сватов пришлю. Никто нам не помешает. И будешь ты тогда княгиней пресветлой в тереме моем, хозяйкой, суложью ненаглядной.

О, как она ему верила! И ждала. Осень всю прождала и зиму. В Псков постоянно бегала да спрашивала о князе Игоре. Тогда псковским посадником был один из варягов Олега. Вот он сероглазую Ольгу и приметил, стал визнавать о ней. Волхвы тут же заволновались, хотя и предупредили их, что посадник зла девушке не желает, может даже в жены взять. Им это казалось не великой бедой – надо же воспитанницу пристраивать в жизни, а по роду ей стать княгиней-посадницей никак не зазорно. Да только для Прекрасы это было хуже всего. Потому и ушла она в лес, жила на заимке дальней, промышляя охотой.

Когда же ранней весной стали подниматься злые медведи-шатуны да обозленные долгой бескормицей волки собираться в стаи, она затаилась. Все размышляла, глядя темными вечерами на огонек лучины: как теперь судьба ее сложится? Одной жить нерадостно, вернуться – волхвы сразу о посаднике заговорят.

И вот однажды явился на ее заимку гость. Она только глянула с порога – сразу поняла, что не простой мужик. Был он немолодым, но статным, по-варяжьи рослым, в богатом собольем полушубке, хотя и с простой рогатиной за плечами и на обычных лыжах-скороходах.

– Давно я тебя ищу, девица, – молвил, стряхивая в сених снег с валенок. – Ух, и пришлось мне побегать за тобой. Даже волхвы не ведали, куда ты исчезла.

– Как же тогда разыскал? – спросила Прекраса, дивясь про себя, почему это незнакомец уверен, что отыскал того, кого надо.

Но на вопрос этот пришлый только поглядел пристальным взглядом зеленых очей. Поглядел не зло, даже суровые морщины на лбу под меховой шапкой разгладились.

– О том, где ты схоронилась, Прекраса, внучка Вадимова, мне ветер нашумел, месяц подсветил, вода в проруби булькнула. Остальное было только за прочными лыжами да за безветренной погодой. Хвала богам, ни разу с пути не сбился, зверь не тронул, баба-пурга не замела.

Так говорить мог только волхв. Но Прекраса тогда лишь об одном подумала: кто же проболтался чужаку, какого она роду-племени?

Но когда пришлый сказал, кто он такой, она перестала удивляться, обрадовалась несказанно. И как не обрадоваться, если сам князь Олег за ней из дальнего Киева прибыл.

– Ума не мог приложить, что мне было делать с этим упрямым Игорем. Я ему и боярышню знатного киевского рода хотел сватать, и дочь князя уличей, признанную красавицу, в невесты предлагал. А Игорь одно твердил: привези мне девицу Прекрасу из Пскова.

Олег рассказывал, а у нее глаза светились, руки дрожали, пока перед гостем миски со снедью ставила.

– Только одного мне не поведал Игорь, – продолжал князь-сват, – что ты из враждебного ему рода, что нельзя вам вместе быть, пока кровь родичей между вами стоит.

– Он не знал, – едва шевеля побелевшими губами, молвила Прекраса. – Я не сказала...

– Это я уже понял. Побоялась, небось, отпугнуть милого?

– Забыть я о том тогда хотела. Да кто позволил бы... Ох, горюшко. И что же теперь? Не мстить же мне Игорю за деда, которого и не знала никогда?

– Ну не знаю. А тебя я отыскал затем, чтобы понять – такая ли ты разумница, как Игорь сказывал. И если, пока я отдыхать стану, найдешь ответ, – быть тебе княгиней. А нет – кровь между вашими семьями сама вас разлучит. Мне и вмешиваться не понадобится.

И Прекраса нашла ответ. Скоро нашла, и так спокойно ей сделалось, что уснула крепко и Олегу пришлось расталкивать утром сладко спавшую девку.

– Вот что я слышала от волхвов, – начала тогда Прекраса, хлопоча у каменки и не оглядываясь на князя-ведуна. Небось, сам все знал, а подсказать не захотел. – Я перед изваянием Рода, подателя жизни, поклянусь, что отказываюсь от своей семьи, от рода Вадима Храброго, и становлюсь сиротой безродной. А потом попрошу кого-нибудь удочерить меня, назвать новым именем и принять в семью. Думаю, если люди будут знать, что для брака с князем это делается, найдутся такие, кто меня в свой род примет.

И, перебросив косу на спину, взглянула на Олега: одобряет ли?

Тогда князь ничего не ответил. Остался погостить на ее заимке, ходил за дичью, сам ее свеживал. Словно и не звали его государственные дела. А по вечерам задавал ей вопросы при свете горящей лучины:

– У Игоря в тереме три бабы женками живут, все пригожие да ладные, и каждая от него по дитю имеет. Как бы ты себя с ними повела, если бы княгиней стала?

Ольгу эта весть не обрадовала, но она ответила ровным голосом:

– Я бы их не замечала. Если я княгиня, если меня Игорь водимой женой назовет, то какое мне дело до меньшиц?<sup>12</sup>

– Ладно, – усмехался Олег, поглаживая небольшую холеную бородку, седина в которой была почти не заметна среди светлых волос. – Еще скажу, что у князя не меньшицами таких зовут, а наложницами и прав они действительно не имеют. А вот что бы ты делала, если бы Игорь в поход ушел, а бояре бузить в Киеве начали?

– Это как поглядеть. Если бы сильно бузили, я бы тайно гонца к мужу отправила, а если бы помаленьку, то постаралась бы самых нарочитых и влиятельных на свою сторону привлечь, и пусть они с остальными разбираются.

– Добро, – вновь усмехался Олег. И вдруг спросил: – Так сколько тебе годков, напомни?

Почему-то Прекрасе стыдно сделалось за свои неполные пятнадцать лет. Но Олегу ее молодость даже понравилась. Сказал, что не обделили ее боги разумом, раз так здраво рассуждать умеет. Интересовался и тем, обучена ли она грамоте, счету. Ольга все рассказывала: и что латинские слова читать умеет, и что в рунах волхвы научили ее разбираться, и что в счете она потолковее иных будет. Олегу это было по душе, однако он все равно продолжал задавать каверзные вопросы: мол, как она поведет себя, если Игорь ее прилюдно обидит (она только хмыкала, не в силах тогда поверить в такое), как поступит, если молодой князь поссорится с соседями, которые Киеву не враги, если он приветит тех, кто ей не мил? Прекраса на все отвечала не спеша, обдумывая каждое слово, понимая, что это не только вопросы, но и своеобразное поучение, какой должна быть жена князя. Любо ей это было. Хотя и сдерживала нетерпение: когда же они в Киев поедут, когда встретится с милым и желанным?

Однако то, что такая странная встреча у них состоится, – и представить не могла.

В Киев она прибыла, светясь от счастья и гордости. И называли ее уже княжной Ольгой, потому что в свой род ее принял не кто иной, как сам Олег Вещий. Князь-волхв семьи не имел, как и положено волхву, вел жизнь целомудренную, с бабами не спал. Один был как перст,

---

<sup>12</sup> Водимая жена – у славян-язычников так называли главную жену-хозяйку; меньшицы – младшие жены.

оттого и гордилась Ольга, что он ее приемной дочерью признал да нарек по своему имени – Ольга.

Теперь она Игорю должна была еще милее стать. Игорь как будто и обрадовался ее приезде: сам встречать вышел к пристани, на руках вынес с корабля, поцеловал при всем народе, разглядывая ее, такую непривычную в богатой горностаевой шубке, в шапочке, крытой парчой, с подвесками-колтами, падающими от висков до груди золочеными дисками на цепочках. А потом вдруг повернулся к Олегу.

– Скажи, княже, как женюсь, ты признаешь меня полноправным князем? Дашь власть?

Но Олег прошел мимо, не ответив. Игорь вмиг потемнел лицом. Шел рядом с Ольгой, словно чужой. А как оказались они втроем в этой самой горнице, Игорь вновь подступил к князю, стал требовать ответа.

– Ты меня всему Киеву показал, когда Аскольда с Диром убивал. Я сын Рюрика! Отчего же от власти отлучаешь?

– Властвовать тебе еще рано, – отозвался Олег, скидывая богатое корзно<sup>13</sup>. – Ты в гриднице с боярами и часу усидеть не можешь, все норовишь к дружине умчаться да в поход отправиться. Пока ты больше воин, Игорь, нежели правитель. Воевать-то опасно, но интересно и почетно. Не зря ты славным воителем стал, Игорь, сын Рюрика. Однако куда сложнее вникать в государственные нужды, от которых пока ты нос воротишь да покрикиваешь на бояр, чтобы те заботами своими не докучали.

– Да зачем же мне все эти суды да ряды? Зачем сидеть в гриднице с боярами толстобрюхими? Есть ведь закон, Правда русская, вот пусть по ней сами и разбираются. Настоящий же князь...

Олег резко поднял руку, заставляя Игоря замолчать. Тот и умолк, только глаза синие горели под седой прядью. Смотрел на Олега не отрываясь, словно забыв, что невеста его нарядная тут же на скамье сидит.

Олег негромко сказал:

– Вот женишься, остепенишься, а там поглядим.

Повисла тишина, прерываемая лишь бурным дыханием Игоря, младшего князя, зачастую называемого княжичем, ибо он под Олегом ходил.

– Я-то женюсь, – как-то нехорошо улыбаясь, заговорил наконец Игорь. – Но не сейчас, а когда сам пожелаю. И не на этой, которую ты мне привез...

Такого ответа никто не ожидал. Однако Игорь поступил так, как сказал. О свадьбе теперь и речи не было, Ольга одиноко жила в тереме на Горе, всеми забытая, ибо ни Олегу, ни Игорю она теперь не была нужна. Что же ей оставалось? Уныло прясть по вечерам? Или вернуться осрамленной в Псков? И вот, когда отгуляли в Киеве шумную Купальскую ночь<sup>14</sup> да насмотрелась Ольга, как ее милый с другими девицами тешится, пошла она к названому отцу Олегу и сказала, что хочет вступить в дружину Игоря, – как дева-воин, как поляница.

Олега ее желание удивило. Конечно, в дружинах князей и воевод порой встречались такие бабы, предпочитавшие воинский удел женской доле у печи. Но они часто гибли в сражениях, а если и выживали, то все женское в себе быстро теряли. Воины-побратимы их уже на третий-четвертый год дружинной жизни бабами переставали считать. Да и кто увидит желанную в этих грубых девках, зачастую иссеченных шрамами, более похожих на мужиков, чем на нежных и милых девиц, которых хочется защитить и приглубить? Правда, была у поляницы возможность приглянуться кому-то в отряде, пока окончательно не заматерела, и выйти замуж.

---

<sup>13</sup> Корзно – вид нарядной накидки.

<sup>14</sup> Купальская ночь (с 24 на 25 июня) – праздник в честь бога плодородия и подателя дождя Купалы, отмечается шумными празднованиями.



Но такие девки сразу уходили из дружины и встречали мужей из походов в обычных бабьих повоях<sup>15</sup> у крыльца родного дома.

Именно на это и надеялась Ольга – находиться рядом с Игорем и вновь завоевать его внимание. Помнила, как он любил и миловал ее, верила, что не могло все пропасть в единый миг. А чтобы с дружиной ужиться... Что ж, жизнь в лесах научила ее и рогатиной владеть, и из лука стрелять, и топор метать. Силой боги Ольгу не обделили, выросла статной да крепкой, удалю могла и с некоторыми дружинниками померяться.

Понял Олег или нет, на что она рассчитывала, но перечить не стал. Игорь же только удивился. Правда, поначалу насмешничал да поддевал, но, как приметил, что девка не от прялки явилась, принял ее всерьез.

Поселилась Ольга с четырьмя остальными поляницами. Те ее не больно ласково встретили, такую юную, ловкую, а главное, смазливую. Сами они уже были бабами тертыми, не в одной рубке участвовали. Дружинники уважали их как отличных воительниц и не трогали. Ольге же поначалу прохода не было. И драться приходилось, и царапаться, и всерьез кого огреть, отстаивая свое право на побратимство в дружине. Игорь этого словно не видел, а если и замечал шум вокруг красивой дружинницы младшей, только хмыкал.

Ольге обидно было, правда, вскоре и у нее защитники нашлись. Тот же Стемка Стрелок, да еще сотенный Кудияр и молодой воевода варяг Ингельд, сын Смоленского князя Эгиля. Они красивую поляницу никому в обиду не давали. А после первого похода Ольги, когда она вместе с другими гоняла степняков на днепровских порогах, ее вообще зауважали. И еще о ней тайно поговаривали: княгиня, мол. Может, помнил кто-то, как Игорь их с Олегом встречал, а может, норов у нее такой был, но вскоре Ольга почувствовала к себе особое отношение.

Больше года прослужила она в дружине Игоря, когда вдруг стала замечать, что князь уделяет ей внимание. То засмотрится, то в походе плащом своим накроет, а то и просто подойдет, заговорит о чем-нибудь. Прошлое оба не вспоминали, как будто и не было его, но Ольга уже поняла: не зря она решила в дружинной избе жить. И когда ездила иногда к Олегу в Киев, то только отмахивалась, если князь жить в терем звал. Правда, лестно было. Как-никак дочка его названная.

А потом настал тот ясный закат в степи, когда она ушла к каменному изваянию на кургане, разглядывала грубо вырубленного истукана, бессмысленно пялившегося вдаль выпуклыми глазами. И вдруг как из-под земли – Игорь. Попенял на то, что далеко от дозоров ушла, присел рядом, косой ее стал играть, смеяться невесть чему. Потом положил руку на плечо, заглянул во взволнованно блестящие глаза... И она не противилась, когда Игорь целовать ее начал. Уложил подле безразличного каменного истукана на густую траву...

Правда, велел хранить все в тайне. Она и хранила. Но с наступлением сумерек стала уходить из дружинной избы к поджидавшему ее Игорю. О будущем они не говорили, они вообще теперь мало разговаривали, больше ласкались-миловались. Иногда Ольга сердито думала: сходятся они, как волки на случку, слово себе давала потребовать от Игоря либо признать ее невестой, либо прекратить тайные свидания. Однако едва он оказывался рядом, ни о чем уже не думала, желая одного: вдохнуть его мужской запах, припасть к груди, ощутить его поцелуи на устах, на груди, на всем теле...

В дружинной избе, похоже, догадываться стали, куда молодая поляница с наступлением ночи уходит, но помалкивали. Игорь мог быть приветливым и добрым, но мог и в ярость впасть. Ольга понимала, что Игорь не желает огласки, не хочет, чтобы про свидания их узнали. А потом вдруг заметила, что в положенные женские дни ей ветошь не понадобилась. Подождала немного, да и решила признаться Игорю. Ведь он знал, что Олег так просто ему нагулыша

<sup>15</sup> Повой – головной убор замужней женщины, закрывающий волосы.

названной дочери не спустит, надеялась, что задумается милый, как теперь быть... А он нагрузил ее камнями и заставил по круче бегать...

Вспомнив все это, Ольга заплакала навзрыд. Лежала за занавеской на полатах, натягивала на голову медвежий мех покрывала и скулила, захлебываясь слезами. Пока наконец не затихла, и заснула, утомленная...

Разбудили ее голоса. Ольга не сразу сообразила, где находится. Потом приподнялась, заметив слабый свет в горнице рядом.

Чуть отодвинув занавеску, увидела, что при свечах за столом сидят друг против друга Олег и Игорь. Игорь облокотился спиной о сену, лицо горделиво независимое, длинные волосы собраны в хвост, от лба уходит назад седая прядь. Олег же сидел спиной к полатам, так что Ольга видела его плечи и светлые гладкие волосы, схваченные чеканным обручем.

– Клянусь Тором-воителем, ты должен понимать, Ингвар, что с уграми надо решать, – говорил старший князь на скандинавском, который Ольга хорошо знала. – Угров под Киевом тьма, но, как нам донесли, станет еще больше – новые орды идут из степи. Вот и надо нам обмозговать и определить...

– Да что там определяться! – подавался вперед Игорь. – Ударим прямо сейчас! Киевляне вон давно жалуются, что угры творят бесчинства. А угорские ханы Инсар и Асуп похваляются, что сгонят нас с киевских круч, как некогда ты Аскольда с Диром согнал. Сами же сядут на столе Киевском.

– Похваляются, говоришь? А вот мне известно, что нет мира между ними. И Асуп и Инсар каждый только себя видят на Киевском столе, другого же думает устранить. А поскольку и у Инсара, и у Асупа немалое войско, и тот и другой вербует себе сторонников и ждет, пока его сила возьмет верх. И пока они соперничают между собой, у нас есть время.

– На что время, Хельг? Если тянуть станем, того и гляди новые орды накатят из степи и уж тогда ханы соберут рать великую.

– Нам пока надо заняться сбором сил, чтобы под рукой было войско более единое и обученное, чем разрозненные силы угров. Я уже начал созывать отряды из славянских земель словен и полочан, послал вестовых и к чуди, и к мери. Жду я и викингов из-за моря. Они соберутся в Гнездово<sup>16</sup> под Смоленском к середине травня<sup>17</sup>, а мы с тобой должны найти средства, чтобы оплатить их ратный труд и уговорить идти на угров.

– Так ты послал гонцов за моря?.. Отчего же мне не сказал о том?

В голосе Игоря чувствовался плохо скрываемый гнев, и Ольга даже испугалась, что он окончательно рассорится с князем Олегом.

Но Вещий ответил мудро:

– Ты слишком на виду, Ингвар, слишком приметен. За тобой многие следят, и, если бы ты показал, что замышляешь что-то, угры сразу заволновались бы. Но великий Один<sup>18</sup> не зря считается еще и богом мудрости. Не назовешь храбрым того, кто в сечу бросается без оглядки. Поэтому мы должны таиться, пока не поймем, что время пришло. А вот приблизить это время надо.

Игорь после этих слов долго молчал. Ольга увидела, как он, перегнувшись через стол, пытливо смотрит на Олега, но безо всякой враждебности, с уважением. А она-то думала, что Олег с Игорем о ней речь заведет... Нет, у этих государственных мужей есть дела и поважнее.

– А вот ответь мне, Хельг мудрый, – заговорил Игорь, – ответь, чем будешь расплачиваться с воинством за подмогу? И если славянским племенам ты можешь дать льготы и воль-

---

<sup>16</sup> В Гнездово селились выходцы из Скандинавии.

<sup>17</sup> Травень – май.

<sup>18</sup> Один – скандинавский верховный бог.

ности, то как быть с викингами? Они-то отменные воители и всегда рады выступить с оружием, но ведь даром кровь проливать не станут.

Олег почему-то засмеялся, даже потрепал Игоря по плечу – Ольга и представить не могла, что он так просто держится с заносчивым Игорем. А когда Олег сказал, что Игорь рассуждает, как мудрый правитель, тот заулыбался.

– Нам поможет расплатиться с викингами князь Эгиль Смоленский, – произнес наконец старший князь, не сводя глаз с воспитанника.

– Да с какой же это стати? – удивился тот, даже руками развел. – Всем на днепровском пути ведомо, что Эгиль богат и не зря носит прозвище Золото. Однако не припомню, чтобы он слыл излишне щедрым или великодушным. Да и ты сам не раз говорил, что Эгиль Смоленский стал чересчур самостоятелен для власти Киева!

– Так и есть, – согласно кивнул Олег. – Могущество Эгиля Смоленского давно тревожит меня, но я успокаиваюсь мыслью, что Эгиль уже давно больше купец, чем завоеватель, и мирная жизнь да богатства Смоленска для него важнее, чем воинская слава. Хотя... А что тебе вообще ведомо об Эгиле, Ингвар?

Игорь откинулся на висевшую на стене волчью шкуру, закинул руки за голову. Сперва только хмыкнул, но поразмысли и заговорил:

– Я знаю, что викинг Эгиль никогда не был бедным, всегда удачно торговал. Говорят и в Северных морях было ему везение, и к хазарам он плавал с товаром, и с булгарами черными выгодно вел мену. А еще сказывают, что он удачно женился на знатной женщине смоленского богатого рода. Но это было еще до того, как ты взял город. И еще я знаю, что Эгиль Золото верно служил моему отцу и Рюрик его уважал.

– Все так, – молвил Олег. – Однако теперь послушай, что я тебе поведаю.

Он поднялся и прошелся по комнате. Вроде и не сильно мощный был князь Олег телом, а половицы под его шагами покорно поскрипывали, а высокая тень уходила головой под самые балки под кровлей.

– Эгиль Золото и впрямь был удачливым купцом, но был и превосходным ярлом<sup>19</sup>. Люди желали служить под его рукой, ибо он щедро расплачивался и был справедлив. Он действительно был предан Рюрику, поддержал твоего отца при вокняжении в Новгороде. А то, что Эгиль женился не на северной девице, а взял себе смоленскую жену... Что ж, многие видели в том очередную удачную сделку, однако, видать, сама богиня любви Фрейя послала его в Смоленск. Ярл Эгиль был влюблен, и жена ему досталась для счастья, а не только для прибыли, хотя и была из богатейшей боярской семьи. Ты знаешь, что Смоленск расположен на землях племени кривичей, и Аскольду с Диром тогда не больно-то нравилось, что ярл Рюрика стал частым гостем в городе, который они считали своим. Эгилу приходилось скрытно проникать в Смоленск, чтобы повидать жену. Замечу, что смоляне ему в том помогали, ведь Эгиль был популярен в городе, а торг его всегда приносил выгоду местным купцам. Жена же Эгиля, Гордоксева, после таких тайных визитов обычно рожала мужу по ребенку, что тоже было нехудо для славы ярла. Правда, не все эти дети выжили...

– Да знаю я, – махнул рукой Игорь, не понимая, зачем Олег все это ему рассказывает. – Мне все известно. Или ты, Хельг, забыл, что у меня в дружине служит сын Эгиля Ингельд, мы с ним дружны. От него я и знаю о семье смоленского князя.

Олег встал напротив Игоря, заслонив его от Ольги.

– Ну, тогда Ингельд-княжич наверняка поведал тебе, почему именно Эгиля Золото я поставил князем в Смоленске? Или о том, как жена ярла Гордоксева помогла нам захватить город?

– Нет... – удивленно протянул Игорь.

---

<sup>19</sup> Ярл – знатный человек, предводитель дружины.

Олег неспешно отошел, коснулся рукой своего красиво мерцавшего при свечах щита. Отблеск от него лег на лицо князя, и стало заметно, какое это породистое, умное, хотя и немолодое лицо.

– Твоего отца уже не было в живых, когда я задумал поход из Новгорода на Киев. И Смоленск был первой крепостью на Днепре, которую мне надо было захватить... по сути, выхватить из-под руки Аскольда Киевского. Сделать это надо было с наименьшими потерями. И вот... Я помню тот вечер, когда мы вместе с Эгилем прошли в ворота города. Нас было человек десять, но часовые пропустили нас беспрепятственно, так как узнали Эгиля, женатого на смолянке. Уже позже, глубокой ночью, мы снова вернулись к воротам и расправились с охраной. Эгиль просил, чтобы не было крови, но без нее, конечно, не обошлось. После этого мы отворили ворота и впустили в город ждавших нас воинов. Но в Смоленске было немало нарочитых бояр и воевод, которые с утра могли вооружить своих людей и вступить с нами в схватку. Вот тут-то и вмешалась Гордоксева. Она уговорила своего отца помочь Эгилю и нам. А так как отец Гордоксевы и его братья были одними из самых уважаемых и богатых людей Смоленска, то они постарались привлечь на нашу сторону остальных бояр, поняв, что только так удастся избежать резни в городе. Были, конечно, и сомневающиеся, но тут уж Эгиль не поспешил, и его золото сделало то, чего не удалось сделать уговорами и угрозами. Так что, когда на рассвете вечернее било начало созывать смолян, власть над Смоленском была уже у нас, то есть у меня и у Эгиля. Но мне нужно было выполнить и другую задачу – завоевать все владения Аскольда и Дира. Я должен был идти дальше, и на кого же мне было оставлять взятый без боя Смоленск, как не на того, кто преподнес мне его как дар? На того, кто был там популярен и почитаем. Вот с тех-то пор Эгиль Золото и стал князем Смоленска.

– И уж вокняжился он там в полную силу, – хохотнул Игорь. – Теперь и Киев стольный должен с ним считаться.

– Так обстоит не только со Смоленском, Ингвар. Вспомни, какими заносчивыми стали мои бывшие ярлы, а ныне именитые князья в Турове, Пскове, Полоцке и в других городах. Отныне я не приказывать, а дружить с ними должен.

– Когда я стану великим князем Киевским, я изменю это! – вскинулся Игорь, взглянув на старшего князя почти с вызовом.

– Да помогут тебе в том боги, – вскинул руки Олег. А опустив их сказал: – Но пока что у нас другая забота – угры. И я рассчитываю, что Эгиль же Смоленский поможет нам в этом. А сделает он это, если мы породнимся с ним.

Ольга ощутила внезапное волнение. Слегка приподнявшись, она переводила взгляд с Олега на Игоря, не сводившего глаз с ее названного отца. Свет освещал обоих – северян, пришельцев, варягов. Ольга вдруг с особой ясностью ощутила, до чего же они далеки от нее, им нет до нее никакого дела, а есть только свои заботы.

– Я доволен, что ты сдружился с княжичем Ингельдом Смоленским, Ингвар. Этот здоровяк Ингельд не рвется к власти, он почитает тебя и слушает во всем. А иметь при себе столь послушного наследника смоленского правителя – великая удача. И ты должен постараться, чтобы он и далее оставался при тебе и не рвался к отцу в Смоленск.

– Проще простого, – улыбнулся Игорь, сверкнув белыми зубами, а у Ольги заныло сердце – до чего же хорош ее лада... Но ее ли? И она стала жадно слушать дальше.

– У Эгиля и Гордоксевы есть еще младший сын – Асмунд.

– Но ведь он... – начал было Игорь, но Олег не стал слушать.

– Ингельд наверняка поведал тебе, что за беда приключилась с его младшим братом. Пять лет назад он упал с коня, повредил спину, и теперь его носят в кресле, так как ноги отказываются ему служить. Но я скажу иное: если бы боги не пособили нам с этим несчастьем, был бы у Киева грозный соперник в Смоленске. Ибо Асмунд разумен и смыслен не по годам. Из него вышел бы достойный наследник Эгиля. Но сделает ли он своим преемником калеку?

Кто станет почитать увечного князя? А теперь послушай: Ингельд готов служить только тебе, Асмунд из-за увечья никогда не сможет стать князем, в лучшем случае будет посадником под рукой более сильного правителя. И теперь пришла пора Эгилю убедиться в том, что ему смысл во всем держаться руки Киева.

– Но Смоленск – могучий город, – заметил Игорь, потирая подбородок с проступавшей темной щетиной. – Смоленск богат, он второй город на Днепре. Что же заставит князя Эгиля признать силу и верховенство Киева?

– Выгода. Эгиль Золото в душе все тот же купец и всегда умел понять, что ему с руки. А поймет он это, если его дочь станет твоей женой и княгиней Киевской.

У Ольги оборвалось сердце. Она откинулась на спину, закусила косу, чтобы сдержать крик. Так вот каков Олег, родитель названный... Ей-то все твердит: мол, рано или поздно доля сделает ее княгиней, что она рождена для княжеского удела, а сам...

– Ингельд наверняка рассказывал тебе о младшей сестре? – спросил князь Игоря.

– Да, что-то говорил, – небрежно махнул тот рукой. – Но ведь она девчонка еще.

– Девчонка? Гм. Она лишь на год моложе твоей Ольги. А Ольга, не заупрямься ты, могла бы уже два года быть твоей женой и княгиней. Светораде же, княжне Смоленской, этой весной исполнилось шестнадцать. И уже год как у Эгиля нет отбоя от желающих получить ее руку. Ведь Светорада не только наследница одного из богатейших и могущественных князей Руси. Она прекрасна, как Лебединая Дева<sup>20</sup>.

Игорь молчал. Но когда Ольга украдкой взглянула на него, увидела, что он улыбается.

– Имя-то какое – Светорада. Лисглада по-нашему. Светлая радость. А что, она и впрямь так хороша?

– Говорят, на Руси мало кто с ней сравнится красотой. Недаром женихи так и вьются в Смоленске. Но Эгиль смотрит на замужество дочери по-государственному. Он отказал в руке своей единственной дочери воеводе эстов, отказал и купцу из далекого Кракова. Не было у него желания отдать дочь и за ярлов-викингов, каких сейчас немало в Смоленске. Я уже не говорю о детях местных бояр. Сейчас князю приехал сватать Овадия бен Муниш, сын хазарского кагана, а этот союз не унизил бы достоинства Смоленского князя. Однако я уже послал гонцов в Смоленск, чтобы предупредить Эгиля, дабы он не спешил породниться с хазарами. И сообщил, что руку Светорады Смоленской желает получить сам княжич Игорь Киевский.

Олег не заметил, как оговорился, назвав Игоря княжичем, а не младшим князем, на чем всегда настаивал сам Игорь. Однако сейчас сын Рюрика даже не обратил на это внимания.

– О великий Перун! – воскликнул он, переходя в волнении на местный язык, который с детства знал даже лучше скандинавского. – Великий Перун, слуханное ли дело отдать русскую князю за хазарина! Нет, не бывать этому!

Олег промолчал, опустив голову, чтобы Игорь не заметил его улыбки. Что ж, славянские девушки не единожды попадали в гаремы хазарских тарханов и даже шадов<sup>21</sup>, и Руси не было в том ничего зазорного, как не было зазорным породниться через своих красавиц со столь могущественным соседом, как Великая Хазария. Но Игорь этим возгласом выдал, что готов отбить у хазарского царевича ту, которая слывет самой красивой девой на Руси. Что ж, Игорь всегда желал иметь все лучшее, будь то войско, лошади, женщины или княжеский престол. И то, что теперь он решится на брак со Смоленской княжной, Олег не сомневался.

– К тому же Светорада – невинная девушка, не знавшая мужчину. А для продления княжеского рода это главнейшее условие. Невинность невесты – залог того, что именно от брака с ней пойдет начало новой династии. У меня нет детей, но ты, как в свое время твой отец Рюрик, бравший Эфанду девственницей, должен быть уверен, что будущая княгиня доста-

---

<sup>20</sup> Лебединая Дева – существо необыкновенной красоты, обольстительная девица-краса, превращающаяся в лебедь.

<sup>21</sup> Тарханы – хазарская знать; шад – вельможа, возглавлявший войско.

лась тебе непорочной. Так делают в других краях, и это разумно и важно. Однако нам надо поторопиться, – закончил Олег и даже перевел дух, словно выполнил тяжелую работу. Но он хотел услышать от Игоря одобрение и решил его подстегнуть. – Поторопиться нам следует, ибо не только шад Овадия сватает Светораду, но еще и византийский патрикий<sup>22</sup> Ипатий. Он, я тебе скажу, весьма могущественный вельможа, а его брат входит в число приближенных самого базилевса, византийского императора. Так что Эгилю будет из кого выбирать жениха для княжны Светорады. Однако я все же надеюсь, что он достаточно мудр, чтобы понять: родство с великими князьями из Киева для него большее везение, нежели союз с иноземцем, пусть и очень могущественным.

Игорь о чем-то размышлял, блестя глазами.

– Хазарский шад да еще и знатный ромей. Гм. Нашим девкам только подавай в мужья холеных ромеев. Хорошо еще, что за княжну все решает отец. Но Ингельда я все-таки отправлю в Смоленск. Пусть погоняет там этих женишков да заодно приструнит сестрицу, велев иного жениха ждать – меня. Аль ей зазорно стать княгиней Киевской?

Однако Олег умирил пыл княжича. Сказал, что Ингельд в Смоленске только дров наломает: он горяч и ретив, но особым умом не блещет. Ингельд – воин, а никак не посол. Он же, Олег, уже отправил верного да расторопного человека, который объяснит князю Смоленскому, как почетно ему с Рюриковичами породниться. Ну а за самой Светорадой дают немалое приданое, причем все больше златом и серебром. Вот эти деньги и пойдут на то, чтобы заплатить собравшимся в Гнездово викингам, да и само войско смоленское понадобится, чтобы отогнать от Киева угров.

Князья вновь принялись обсуждать, как поступить с нахальными уграми, как сделать, чтобы от Смоленска незаметно подошли корабли с воинством к Киеву. А еще как вести речи с ханами Аспарухом и Инсаром, чтобы прибытие сил по реке стало неожиданностью для них. Вот тогда-то, с позиции силы, они и смогут выставлять уграм свое решение.

Ольга не слушала их, лежала на спине, глядя на балки потолка. Она понимала, что Олег поступил мудро, заручившись союзом против угров с сильным Смоленским князем, понимала, что так лучше для Киева и для Руси, и в душе смирилась. Однако легче от этого не стало. И она не вытирала тяжелых слез, которые все текли и текли, сползая по вискам до разметавшихся волос.

Даже после того как Игорь ушел, она не двинулась с места. И лишь когда Олег окликнул ее, чуть шевельнулась.

– Ты как, Ольга, на полатах моих останешься почивать или к себе пойдешь?

Она медленно слезла. Глянула на Олега, невозмутимо снимавшего нагар со свечей.

– Я тебя всегда разумницей считал, – молвил князь, не поднимая на нее глаз. – И тебе надо понять, что так сейчас должно поступить. Киеву нужно войско, нужно золото Эгиля Смоленского. А еще ему будет лестно, что его дочь станет однажды княгиней.

– Но как же я?

– Не пропадешь. Ты как-никак дочка моя названная, я тебя не обижу.

Он наконец повернулся, посмотрел на нее. Ольга была рослой девушкой, но князь возвышался над ней более чем на пол головы. И оттого она вдруг показалась ему такой беспомощной – заплаканная, влюбленная в бесшабашного Игоря, но все понимающая, убитая горем, но не дающая отчаянию выплеснуться наружу. У Олега даже возникло странное желание приголубить ее, как отец дочь голубит. Но сдержался. Понимал, что сейчас он разбил ее надежды на счастье с милым. И даже когда заговорил, голос его звучал непреклонно:

---

<sup>22</sup> Патрикий – высокий придворный сан в Византии.



– Я знал, что ты здесь, и хотел, чтобы ты все сама услышала да поняла. Игорь к тебе сердцем тянется, но он князь и должен поступать, как государственный муж, а не как одурманенный любовью юнак.

– Я понимаю, – совсем поникла девушка. И вдруг сверкнула глазами сердито. – А тебя еще Вещим называют! Разве не ты говорил, что мне на роду написано стать великой княгиней?

– А ты ею и станешь. Слушай же, что я для тебя решил. Хватит тебе при Игоре в волочайках<sup>23</sup> состоять да тешить его. Не для того я тебя дочерью назвал, чтобы о тебе слухи ползли и бабы сплетницы пальцем в тебя тыкали. Поэтому завтра же поедешь в Вышгород и станешь там править. Вышгород – город оживленный, быстро растущий, при умелом правлении он по торгам самому Киеву скоро не уступит. Вот там ты и станешь посадницей, там начнешь постигать науку, как над людьми стоять. А потом... Мы вершим лишь насущное, остальное же подвластно только воле великих богов.

---

<sup>23</sup> Волочайка – здесь грубое слово, означающее женщину, бегающую за мужчиной, шлюху.

## Глава 2

Ястреб был небольшой темной птицей с зоркими желтыми глазами. И когда девушка подбросила его на руке и крикнула: «Пошел!» – он стремительно метнулся за стаей уток, взлетевшей над камышами.

– Как налетел! Как налетел! – весело захлопала в ладоши охотница и пустила коня в сторону улетающей с шумным криканьем стаи.

Она скакала легко и красиво. Ветер разведал ее длинные отливавшие золотом волосы, полоща розовый бархатный плащ с искрящейся вышивкой. Под девушкой была белая кобылица, горячая и быстрая, и всадница правила ею почти без усилия, поглощенная видом ворвавшегося в стаю диких уток ястреба. И когда тот с лета сшиб самую крупную из птиц, она даже азартно вскрикнула.

Следом за всадницей поскакали пятеро верховых. Ни одного из них не беспокоило, чем кончится бросок птицы, – их волновала только сама охотница, грациозная, быстрая, порывистая.

Девушка соскочила с лошади у самых камышей, откуда доносился треск и шорох упавших птиц. Она хотела кинуться в заросли, но потом резко остановилась и оглянулась.

– Эй, Пушта, или ты, Гуннар, пойдите заберите у ястреба добычу. Отманите вабилом<sup>24</sup>, а иначе, того и гляди, разорвет утку.

– Не разорвет, – уверенно произнес один из спутников, крупный рослый варяг с длинными белыми волосами ниже плеч. Он шагнул в заросли, по пути перехватив у подоспевшего отрока связанные вместе голубиные крылья – вабило. – Ястреб уже седьмую птицу берет сегодня, вот и успел полакомиться, не голоден.

У варяга был низкий глухой голос, говорил он спокойно, видно, охотничий азарт никак не задевал его. И все же, когда он возвращался с пойманным соколом на одной руке и с висевшим головой вниз мертвым селезнем в другой, на его суровом лице появилось некое подобие улыбки:

– Клянусь памятью предков, но я несказанно тебе несказанно угодил, княжна, подарив такого отменного охотничьего ястреба.

– Ах, еще как угодил, Гуннар, как угодил!

Она приняла у Гуннара ястреба с улыбкой, любуясь птицей. Суровый Гуннар тоже засиял, видя ее радость.

Еще один из спутников княжны поспешил приблизиться. Был он в запашной полосатой одежде иноземного фасона, из-под высокой парчовой шапки на спину длинными спиралями падали завитые черные волосы. Видя, как красавица княжна благодарит варяга за птицу, он недовольно дернул удила, заставив своего горячего каурого едва ли не вздыбиться.

– У вас всегда есть доброе слово для Гуннара, Светорада. И вы словно уже забыли, как я угодил вам, приведя из степи эту белогривую кобылицу, на которой вы летаете, точно сами стали соколом.

– Разве я мало добрых слов сказала вам за этот подарок, благородный Овадия? – чуть склонив головку набок, лукаво прищурилась княжна. – Но и Гуннару следует отдать должное за его ястреба. Он сам поймал его, приручил и выпестовал для охоты. Так, Гуннар?

Огромный Гуннар лишь исподлобья глянул на горячившегося иноземца.

– Этим хазарам только одного и надо – чтобы их без конца хвалили, словно сказанного однажды мало.

---

<sup>24</sup> Вабило – приманка, чтобы отвлечь охотничью птицу от пойманной жертвы.

– Похвалы всегда приятны, – с заметным иноземным выговором молвил третий спутник княжны, по виду византиец, в переброшенной через плечо и заколотой дорогой брошью накидке. – Но вижу и без похвал, насколько я угодил княжне, одарив ее этим малиновым бархатом. Вы в нем просто цесаревна!

Девушка по очереди взглянула на каждого и звонко рассмеялась.

– Вы бываете такими забавными, клянусь Живиной благодатью! Но я хочу, чтобы вы знали: я умею ценить тех, кто делает мне добро, и в сердце моем всегда много места для благодарности.

Она вскочила в седло и вновь с улыбкой посмотрела на них. И у мужчин невольно перехватило дыхание от ее красоты.

Не будь дочь Смоленского князя такой нарядной, знатной и родовитой, она все равно обращала бы на себя внимание необычайной привлекательностью. От своего отца викинга Светорада унаследовала точеную правильность черт и яркую светлость пышных золотых волос, а от матери славянки – некую яблочную мягкую прелесть. Румяное, как наливное яблочко, личико княжны было нежно округлым, с изящно очерченным подбородком и сочным, как спелая ягода, ртом. Светло-карие глаза Светорады – огромные, мерцающие золотистыми искорками, с длинными черными ресницами, казались особенно выразительными в сочетании с обрамлявшими лицо светлыми кудрями.

Глядеть бы на нее не наглядеться – изящную, юную, излучающую радость. Но сопровождавшие княжну мужчины желали не только любоваться ею. Они хотели получить ее всю, с ее яркой красотой, богатым приданым и родством с могущественным Смоленским князем. Поэтому, подчиняясь прихоти своенравной Светорады, и гоняли они с утра коней по болотистым лугам, охотились с ястребом, только бы находиться рядом, добиться ее расположения, чтобы она намекнула отцу, кто ей более приятен. Ибо Эгиль Золото уже дал понять, что затрудняется выбрать более достойного жениха и предоставляет выбор самой Светораде.

К княжне приблизился пожилой охранник, принял с ее руки ястреба. Он привык к княжне с ее малых лет и сейчас видел в ней не объект любования, а обычную своенравную хозяйку, которой нет дела до того, что его старые косточки гудят после этих блуканий по болотам.

– Домой вертаемся, княжна, али как? Даже ястреб ваш утомился, на дичь и не поглядывает.

И действительно, ястреба уже не привлекла пролетевшая мимо очередная стая птиц, он взъерошил перья, нахохлился. Княжна поглядела на птицу с сожалением и передала охраннику.

– Вот что, Щербина, оправляйся с охранниками назад, а мне охота еще проехаться. Да не хмурься, отец не станет сердчать. Князь сам понимает, каково это проехаться в такой погожий день на добром коне, да еще под защитой столь достойных витязей.

И она, по-особому улыбнувшись каждому: варягу, хазарину и греку, – пустила свою лошадку вскачь. Спутники так и рванули следом.

Старый Щербина только покачал головой.

– Заморочит эта вертихвостка голову всем троим.

Княжна, неслась, привстав на стремях. Ее золотящиеся на солнце волосы красиво развевались по ветру, удерживаемые только серебряным обручем, за плечами, как крылья птицы, разлетался малиновый плащ. От скачки он сбил в сторону, открыв белое платье княжны, яркие узорчатые сапожки. Легко перескочив через заводь в низине, девушка направила лошадь туда, где на проложенной через болота насыпи проходила добротная дорога. Тут она наконец натянула поводья, сдерживая бег.

Первым княжну догнал хазарин Овадия, загарцевал рядом на кауром, забряцал роскошными удилами из золоченых блях.

– Вам бы, ясноликая Светорада, изведать, каково это скакать по бескрайнему степному простору, когда впереди только ширь да небо.

Его смуглое круглое лицо с полоской тонких усиков дышало воодушевлением, черные чуть выпуклые глаза сверкали. Но он перестал улыбаться, когда их почти сразу же нагнал этот надушенный византиец, поехал спокойно рядом, оправляя полы сбившейся накидки.

– Княжна любит быстрых коней. Но, чтобы узнать, как по-настоящему горячит кровь скачка, ей бы следовало взглянуть на бега, которые устраиваются на ипподроме в богохранимом Константинополе.

«И откуда у него столько прыти, у старого? – сердито думал Овадия, недовольный тем, что грек так скоро присоединился к ним с княжной. – Вон варяг, и тот отстал».

Но тут сама Светорада оглянулась на Гуннара, нагонявшего их на тяжелом длинногривом жеребце.

– Ты здесь? Хорошо. Мне спокойнее, когда ты рядом.

С варягом княжна держалась проще, чем с иноземными гостями. Гуннара Карисона по прозвищу Хмурый она знала с детства, он был сыном погибшего друга ее отца, и Эгиль воспитал Гуннара при себе, сделал одним из воевод, доверив охрану единственной любимой дочери. Вот если бы только... Да, княжне рассказывали, что, когда она родилась, ее отец Эгиль, охмелев на пиру, пообещал отцу своему другу Кари Неспокойному, что дети их со временем пожениются. Но Кари Неспокойный давно сгинул, сын вырос во всем зависимым от Смоленского князя, и уже мало кто осмеливался вспомнить о той давней договоренности. Ведь во время уговора Эгиль и отец Гуннара были во всем равны, а ныне Эгиль стал могущественным князем. Не вспоминать же теперь о некогда данном во хмелю обещании? Но если бы о нем забыл и сам Гуннар... Ему было одиннадцать, когда их родители ударили по рукам. Может, он и забыл бы о том событии, не будь Светорада такой красавицей.

Сама княжна, держась с Гуннаром приветливо, ни разу не дала понять, что хочет видеть в нем суженого. Гуннар считался видным мужчиной – богатырского сложения, огромного роста, статью настоящий викинг, да и в крупных чертах его лица не было ничего отталкивающего. Но вот только этот отпечаток вечного недовольства на лице, отчего дружинники и варяги из отрядов под Гнездово и дали ему прозвище Хмурый... Глубоко посаженные голубые глаза Гуннара редко зажигались теплым светом, а жесткий рот обычно был плотно сжат. И только Светораде, порой ребячливо задевающей сурового варяга, удавалось добиться от него скупой улыбки.

Улыбнулся он и сейчас, когда княжна, словно забыв о высокородных женихах, сказала, как ей спокойно с ним. И что-то промелькнуло в его светло-голубых холодных глазах – легкое, радостное. Однако приветливое обращение княжны с варягом не пришлось по душе женихам. Как по команде, они недовольно оглянулись на Гуннара, взгляды стали недобрыми. И тут же Светорада, стремясь разрядить напряжение, зашебетала что-то милой и веселое, отвлекая на себя их внимание.

Хазарский царевич Овадия держался с княжной уверенно и непринужденно. Он был молод, очень богат и уже не первый раз приезжал в Смоленск, но в этот раз его привели сюда не дела, а желание сосватать красивую дочь смоленского князя. И чем он плох не жених? Он сын кагана, у него под рукой ходят пятнадцать кочующих родов, его стада огромны и с ним считаются в хазарской столице. Да и не дурен собой, всегда богато выглядит, щедр и весел, его шутки часто смешат княжну. Правда несмотря на молодость уже отъел некоторый живот, зато остался резв и силен, и некоторая полнота не мешает ему лихо схлестываться в стычках и ловко разить врага саблей. И уж, конечно, он предпочтительнее для Светорады, чем этот уже не первой молодости грек Ипатий.

Ипатий Малеил, знатный патрикий из Византии, был в том возрасте, когда уже пробивается седина и появляются морщины. Но худощавый и подвижный, с тонкими чертами лица

он выглядел вполне привлекательно. Его густая кучерявая шевелюра была пышной, стан прямым, к тому же он умел держаться с таким достоинством, что смоленские женщины просто ахали восхищенно и стремились обратить на себя внимание именитого византийца – такого важного, вежливого, всегда нарядного и ухоженного. Правда, он почти не замечал заигрывания местных красавиц, зато от Светорады не мог отвести глаз. С княжной Ипатий всегда был предупредителен и любезен. Он умел красиво польстить, увлечь интересной речью, живыми рассказами, не скупился на подношения. Был он вельможей из известной в Царьграде семьи, имел придворное звание спфария и занимался связями с Русью. Должность вынуждала его не единожды путешествовать по Днепру, но в последнее время не торговые дела и договоры влекли его в эту дикую Русь, а желание побывать в Смоленске, где он увидел это чудо – дивную славянку редкой красоты и легкого радостного нрава. И вот гордый византиец попросил у правителя Смоленска ее руки. При этом не преминул сообщить, что рассчитывает получить пост правителя стратига в торговом Херсонесе у моря. И был несколько удивлен тем, что Эгиль Золото пока не смешит с ответом.

Между тем Светорада со спутниками подъехали к тянувшемуся вдоль дороги большому селению. Вереница изб с дерновыми кровлями заканчивалась у стоявшего на пути резного изваяния Дажьбога – подателя плодородия и обильного урожая. Там сейчас собрались местные селяне, они оглянулись на приближающихся всадников и кто-то воскликнул:

– Да это ведь княжна Смоленская Светорада! Пожелай нам удачи и богатства в этот солнцеворот<sup>25</sup>, красавица!

В окрестных землях кривичей давно сложилось поверье, что встреча с прекрасной княжной, носящей столь звучное имя, сулит удачу. Встретить ее считалось хорошим предзнаменованием, ибо все верили, что лучезарная дочь князя благодетельствована богами и щедро несет свой дар людям.

Светорада не заставила себя дважды просить, заулыбалась приветливо, помахала рукой, звеня браслетами, стала справляться о весеннем севе. Один поселянин указал ей в сторону, где на крутом холме стоял под березой длиннобородый волхв в белой одежде и, подняв руки, что-то бормотал, глядя на трепещущую на легком ветерке березовую листву.

– Служителя богов вызвали, – пояснила спутникам Светорада. – Недешево это обойдется селению. Вон сколько подношений приготовили.

Собравшиеся поселяне были не с пустыми руками: пришли с корзинами, где лежали бережно переложенные соломой яйца или белые шары творога, одни держали домотканое полотно, другие прижимали к себе кур или уток, а какая-то пара принесла крохотного, видимо из недавнего окота, ягненка. Всем готовы поделиться селяне, только бы волхв предрек им доброе.

Грек Ипатий поинтересовался:

– Отчего это ваш ведун так долго пялится на березу?

– Ясно отчего. Весна в этом году припозднилась, а теперь наступает так быстро, что люди волнуются – успеют ли с севом? Вот и кликнули волхва, чтобы тот определил по примете: если сможет он смотреть на солнце сквозь крону березы не шурясь, то продолжать сев бесполезно. Если же листва не больше дирхема агрянского<sup>26</sup> и солнце легко пробивается сквозь нее, то день-два еще можно сеять.

Царевич Овадия хохотнул.

– А разве селяне сами не смогут определить такое, без богослужителя?

---

<sup>25</sup> Солнцеворот – год.

<sup>26</sup> Дирхемы агрянские – арабские монеты – единственные металлические деньги на Руси, до того как там начали чеканить свою монету.

– Так ведь покон же, древний обычай... – начала было княжна, но закусила губу, стараясь не засмеяться. А как увидела веселые искорки в глазах молодого хазарина, не удержалась, захохотала звонко, а за ней и Овадия, и даже выдержанный грек зашелся негромким мелким смехом. Только угрюмый Гуннар смолчал. Он вырос в смоленском краю и не понимал, как можно высмеивать старые обычаи.

Неподалеку от селения на ниве трудились поселяне. Княжна Светорада, заслонясь рукой от солнца, с удовольствием смотрела на них. Ей было любо видеть, как важно шествуют впряженные в ярмо волы, как опадают от лемеха ломти рыхлой жирной земли. В полосу садятся грачи, тычутся носом и тут же взлетают, когда сеятели подходят ближе. Мужики в легких зипунах машут рукой из стороны в сторону, засевая полосу. Шаг, второй – и золотой дождь летит из горсти. Зерна падают в свежую землю, а сеятель бормочет про себя заклинание, положенное для благого произрастания семян.

– Ну что, едем? – спросил нетерпеливо Овадия, для которого не было ничего интересного в возне этих смердов.

В селении шла своя жизнь. Мужики разогревали пахучую смолу, смолили разошедшиеся за долгую зиму лодки, плотничали, стучали молотками; старик, сидя на завалинке полуземлянки, плел веревку; в стороне молодая селянка проветривала одежду, достав ее из ларей и развешивая на припеке.

На грядках подле избенок бабы засеивали огороды. Проследив за их движениями, Ипатий спросил:

– Отчего женщины на грядках все время плюются?

Княжна опять смеялась.

– Да не плюются они! Вот наберет хозяйка в рот заранее замоченных семян капусты или брюквы и фыркнет что есть силы. Семена ровно разлетаются по грядке.

– Откуда все это известно вам, дочери князя? – удивился Ипатий.

Глаза Светореды стали серьезными.

– Это моя земля. Я все здесь люблю, все мне интересно.

– Но ведь вы однажды уедете? – пылливо спросил грек. – Удел дочерей улетать из родного крова, обживать новый дом.

И, словно облачко грусти легло на личико Светореды, она отвела рукой выющую на ветру прядь волос и сделала жест в сторону.

– Это останется со мной навсегда. Как счастье, которое никогда не забудешь.

Но в следующий миг она уже опять улыбалась. Зачем грустить, когда все так славно, ее все любят и жизни впереди такая длинная, длинная! И с места в галлом. Ветер, солнце, звонкий девичий смех, летящие по ветру волосы...

Коней они придержали только въехав в густой ельник. Высокие красавицы ели хранили в своей чаще полумрак, и весна здесь напоминала о себе лишь звонким перещелкиванием птиц в ветвях да голубеющими у дороги свежими звездочками подснежников.

На развилке дорог стояло еще одно деревянное изваяние. На этот раз Велеса, покровителя путников. Подле него в тени еловых лап всадники заметили склонившуюся странную фигуру, услышали монотонное бормотание. При их приближении она резко подскочила и обернулась. Царевич Овадия даже за охранительный амулет схватился от неожиданности. Перед ними стояла странная женщина с всклокоченными седыми волосами и изуродованными губами, обнажавшими в жутком оскале длинные желтые зубы. Когда она двинулась в их сторону, от нее повеяло чем-то звериным, даже лошади испуганно шарахнулись, и всадникам пришлось натянуть поводья.

Одна княжна не проявила беспокойства.

– Доброго дня тебе, кликуша! Опять жалуешься Велесу на свои обиды?



Старуха не отозвалась на милую улыбку Светорады. Наоборот, чело ее пошло морщинами, лицо исказилось.

– Что, еще не настигла тебя твоя Недоля<sup>27</sup>, дева смоленская? Но вода в реке течет быстро, весна и лето волокут за собой осень... А эти трое? Они как камни на тропе твоей судьбы. Но ты наступишь на каждого из них и пойдешь дальше. Я знаю, я вижу... Да и сокол уже слетел с помоста, а стрелок лук натягивает.

Светорада даже растерялась, нахмурилась, но тут девушку загородил конем Гуннар:

– Убирайся! Сгинь, ведьма! Уйди во мрак леса, откуда явилась!

И даже плеткой замахнулся. Но кликуша не стала ждать удара, убежала прочь, пронзительно вереща, исчезла в зарослях, только еловые лапы закачались.

– Да кто же это, во имя пресвятой Богородицы? – невольно перекрестился Ипатий.

Гуннар ответил: так, одна одержимая бесами. Бродит по чащам, пристаёт к людям и несет всякую околесицу. И считается, что в этом ее полубезумном бреде есть нечто вешнее. Но на взгляд Гуннара ее давно надо было словить, камень на шею – и в омут.

– Хватит, Гуннар, – подняла руку Светорада. – Кликуша не всегда дурное пророчит. Моей матери она, наоборот, предсказала долгую жизнь и славный удел для детей. А то что несла сегодня невесть что... Может, голодна, может, селяне обидели убогую, прогнали без подаяния. Вот и злобствует.

Дальше ехали молча. Но налетел теплый ветерок, колыхнулись еловые ветви, стали перекликаться синицы – и вновь пахло весной. О дурном думать не хотелось. Все развеялось, как наваждение.

– Мы возвращаемся? – спросила то ли себя, то ли спутников Светорада. Оглядев освещенные солнцем верхушки елей и глубоко вдохнув пропахший нагретой хвоей воздух, она вдруг предложила: – День еще долгий. Не повернуть ли нам коней и не проехать ли к волокам? Там сейчас такое оживление, столько людей движется к рекам, перетягивая лады, столько новостей можно узнать! Ну, едем же, Гуннар!

– Нет! – резко и непреклонно отрезал варяг.

Царевича Овадию это возмутило:

– Кто здесь все решает, княжна или наемник ее отца?

Гуннар словно не расслышал. Взял повод лошади княжны, стал разворачивать. Овадия загородил ему путь своим конем и несколько минут варяг и хазарин мерились взглядами. Княжна смотрела на них с веселым любопытством. Но тут вмешался Ипатий. Рассудительный грек пояснил, что к волокам они едва ли успеют до темноты, к тому же в княжеском тереме может подняться переполох из-за долгого отсутствия княжны.

Овадия прервал его:

– Воля дочери князя должна быть исполнена! И если кто-то боится охранять дочь Эгилия в поездке, то я готов сопровождать ее и защищать даже ценой собственной крови!

– Тогда начинай прямо сейчас же, хазарин, – молвил Гуннар и достал меч из висевших на спине ножен.

Овадия тоже стремительно выхватил саблю, загарцевал на месте. Грек Ипатий теперь наблюдал за ними почти с удовольствием. Но тут Светорада поняла, что заигралась.

– Довольно! Клянусь милостями Лады<sup>28</sup>, я не хочу ссоры меж вами. И я послушаю мудрого Ипатия и отправлюсь домой, пока меня не хватились.

Она демонстративно поехала бок о бок с византийцем, на сурового Гуннара и теснившего его конем Овадию не оглядывалась. Но долго юная княжна не могла оставаться серьезной, вот и сказала:

---

<sup>27</sup> Недоля – персонификация злой судьбы; Доля – добрая судьба.

<sup>28</sup> Лада – в славянской мифологии богиня любви и счастья; так же порой называли возлюбленных.

– Кто первый из вас найдет в ельнике тропку к реке, с тем буду сидеть весь вечер и руки у него не отниму!

Ну чисто дитя! Но как взглянула на них со своей чарующей и манящей улыбкой, с вызовом и легкой лаской... Среди темной хвои еще ярче золотились ее пышные, слегка растрепавшиеся волосы, а как сверкали в улыбке белые зубки княжны, как ало горели уста...

Она очаровывала, могла заставить помутиться разум и у рассудительного грека. Вот он с остальными и поспешил между темных разлапистых елей по склону. Ведь река всегда в низине и если он первый выедет к ней, то почему бы и не провести дивный вечер подле этой славянской прелестницы. И уж он постарается не только за руку ее держать!..

Конечно первый тропу к реке нашел неторопливый, но знающий местность Гуннар Карисон. Взглянул исподлобья на своих соперников и невозмутимо поехал по ищущей вдоль берега Днепра проторенной дороге. Княжна за ним и на других женихов уже и не оглядывалась. Тем более, что впереди увидела возникший из-за изгиба Днепра корабль. И сразу весело помахала рукой корабелям.

Днепр в этом месте еще не набрал своей мощи, вот княжна и крикнула, мол, откуда путь держите. Ей отвечали, не переставая грести: мол, возвращаемся с дальних торгов в Новгород. А были у самого устья Днепра, продавали там рабов, а так же воск и пушнину местным тиверцам.

Ипатий при этом что-то крикнул корабелям на греческом. На корабле засуетились, потом ответили на том же языке. И княжна все поняла:

– Ты считаешь вольных тиверцев<sup>29</sup> разбойным племенем? А они торгуют с нами.

Ипатий улыбнулся:

– Мне отраднo, что дочь Эгиля Смоленского обучают благозвучному языку Византии. А о тиверцах я спросил, потому что скоро стану правителем Херсонеса, града у моря, какой вы называете Корсунем. И мне надо знать, кто грабит суда у побережья. Видишь, какие важные дела у меня, Светорада. Что ты на это скажешь, дочь смоленского правителя?

Она пожала плечами под малиновым бархатом плаща. Но потом ответила на довольно неплохом греческом:

– Скажу, что загостился ты у нас, спфарий.

– Верно, княжна, но только от тебя это зависит, сколько я еще пробуду в Смоленске.

Взгляд Светорады через плечо мог означать все что угодно – и обещание, и иронию.

Вскоре впереди, на подступах к Смоленску, стали появляться срубы сторожевых вышек. Службу здесь несли воины князя, следившие за порядком на этом участке реки. Ну, а там где дружинники, уже не боязно селиться и простому люду. По пути им то и дело попадались хижины рыбаков, у берегов покачивались их лодочки, на причалах у реки сидели ребятишки с удочками. И все они радовались, узнав в нарядной всаднице Светораду. Княжну одно появление которой несло удачу.

Но в этот раз повезло как раз Гуннару Хмурому. Он еще не понял это, когда на реке показалось очередное судно, а княжна сказала:

– Смотри, Гуннар, никак варяги плывут.

Хмурый сперва просто смотрел, еще не зная о своей удаче. Ну вот плывет еще одно длинное гребное судно с его старой родины. Выпячивается под легким ветром полосатый парус, на бортах видны яркие круглые щиты, а резная голова на переднем высоком штевне выкрашена в красный цвет и украшена выточенными острыми ушами. Как у волка.

В следующий миг сердце Гуннара резко забилося и он натянул поводья коня.

– «Красный Волк»!.. – почти выдохнул он и машинально схватился за амулет Тора<sup>30</sup> на груди.

---

<sup>29</sup> Тиверцы – южнославянское племя, обитавшее между Южным Бугом и Днестром.

<sup>30</sup> Тор – бог битв у древних скандинавов.

Вот уже шестнадцать лет Гуннар жил в Смоленске, но не забыл лучший корабль своего отца Кари Неспокойного. Некогда Кари и Эгиль вместе ходили в походы, потом Эгиль добился власти в Смоленске, а Кари два года служил ему на Днепре. Здесь же и был стрелой разбойника-ушкуйника, а его верные хирдманы<sup>31</sup>, после того как Эгиль отомстил за их предводителя, пожелали вернуться на родину. Гуннару тогда было тринадцать и Эгиль вызвался оставить сына друга у себя в обучении. Обычно полагалось, чтобы ребенка воспитывал тот, кто ниже по положению, однако Эгиль и Кари прибыли на Русь простыми бродягами и Эгиль не считал, что уронит свою честь решив позаботиться о сыне павшего друга. Потому хирдманы и уплыли без Гуннара, хотя и обещали однажды вернуться. И вот... Хмурый варяг не ошибся – он узнал корабль отца!

Сейчас он ударил своего медлительного коня пятками, подъехал к вышке над рекой, велел дозорным подать знак драккару пришвартоваться. Стражи повиновались, узнав воспитанника князя, загудели в рог. Гуннар же, спешившись, вышел на бревенчатый причал, спокойный и невозмутимый, исподлобья наблюдая, как замерли с одной стороны драккара весла, как «Красный Волк» разворачивается носом к берегу, а гребцы о чем-то переговариваются, поглядывая из-за развешенных по бортам щитов.

Гуннар не сводил с них глаз, и только чуть учатившееся дыхание выдавало его волнение.

– Причаливайте! Я давно вас жду и хочу узнать вести из Раудхольма.

Он только мельком оглянулся на остановившихся позади Светораду и спутников, но сейчас у него не было сил даже что-то объяснить им. «Красный Волк» вернулся в Гардар!<sup>32</sup> Для Гуннара Хмурого это могло быть только добрым знаком.

Прищурившись, он теперь хорошо различал лица варягов, даже стал узнавать некоторых хирдманнов отца. Вот старый кормчий Хравн Торчащая Борода, вот украшенный шрамами Бьорн, рыжий Ульв Щеголь в яркой рубахе с вышивкой... Были и другие, кого он узнал, но были и новые, незнакомые ему лица.

– Не Гуннар ли Карисон вышел нам навстречу? – прозвучал от рулевого весла голос кормчего Хравна Торчащей Бороды. – Тогда скажу: сами боги послали нам удачу. Ибо мы прибыли за тобой!

Светорада тоже прошла на причал и тронула Гуннара за рукав.

– Ты хоть не собираешься вот так сразу покинуть нас?

Он чуть повернулся, внимательно поглядев на княжну. Сам-то он еще не ощутил полного значения слов: «Мы прибыли за тобой», а вот эта девушка сразу поняла.

– А ты бы не желала моего отъезда, Рада? – спросил он негромко, обратившись к дочери Эгиля тем именем, каким ее звали в детстве.

– Не знаю. Наверное не желаю. Ты ведь мне как брат. Но я понимаю – удел орла улетать. И ты уже готов к полету.

Эх, не таких слов ждал от красавицы княжны Гуннар, но сейчас должен был довольствоваться и этим. К тому же драккар уже причаливал, и ему пришлось выйти на пристань навстречу викингам. Все, конечно, не могли сойти на берег, не получив предварительно разрешения у служилых витязей местного князя, большинство викингов ожидали на драккаре, поглядывая из-за щитов, как их кормчий и рыжий Ульв приветственно хлопают по плечам высокого светловолосого воина на пристани.

– Я сразу узнал тебя, сын Кари Неспокойного! – весело воскликнул Хравн Торчащая Борода. – Ты так похож на отца... В тебе сразу видна кровь светловолосых людей из Раудхольма – и это так же верно, как то, что я лучший кормчий во всем Согне<sup>33</sup> и его фьордах!

---

<sup>31</sup> Хирдманы – воины в отряде; хирд – боевой отряд викингов.

<sup>32</sup> Гардар – так скандинавы называли Русь, буквально: Страна Градов.

<sup>33</sup> Согн – область в Норвегии.

А рыжий Ульв уже разглядывал стоявшую за Гуннаром Светораду.

– Клянусь молотом бога Тора, неужто это и есть та липа ожерелий<sup>34</sup>, которую когда-то просватал за тебя Кари Неспокойный на хмельной пирушке? Хотя тогда она была еще совсем дитя и, помнится, ее дед кривич дал ей местное, но очень красивое имя.

– Лисглада, – с готовностью подсказала княжна. Дочь викинга, она прекрасно знала язык скандинавов.

По лицу Гуннара прошла тень.

– А ты хорошо помнишь о том их уговоре, Ульв Щеголь?

– А что, есть такие, кто позабыл? Что ж, тогда, похоже, мы прибыли не зря, и нам придется звоном стали помочь исполниться воле покойного Кари!

Светорада при этих словах перестала улыбаться и отошла. Ожидавшие в стороне Овадия и Ипатий принялись расспрашивать ее, отчего Гуннар решил их задержать, когда они уже на подступах к Смоленску. Овадия даже потребовал ехать дальше без варяга, но княжна попросила подождать. Лицо ее было взволнованным и на нем ясно читалось любопытство.

Тем временем старый Хравн отвел Гуннара в сторону.

– Мы прибыли за тобой, сын Кари Неспокойного. Хотя, сдается мне, ты настолько же спокоен, насколько вспыльчив и легок на подъем был твой отец.

Гуннар смолчал. Он считал ниже своего достоинства торопить там, где ему и так все пояснят. И Хравн заговорил:

– Нас послала твоя мать Торунн. Она ждет тебя, а в усадьбе Раудхольм нужен хозяин.

Если Гуннара и взволновала эта весть, то он не подал вида. Поправив рукоять меча в ножнах и не глядя на Хравна, он негромко заметил, что долго же его мать не вспоминала, что у нее есть сын.

– Ты не должен осуждать ее, Гуннар. Вспомни, твой отец был словно ветер: нигде не мог долго оставаться на месте. Торунн женщина из хорошего рода, но Кари похитил ее и, заключив с ней неполный брак<sup>35</sup>, уплыл за море. Сколько раз он потом возвращался в Раудхольм и снова уплывал, а их союз оставался неполным, даже после того как Торунн родила тебя. У Кари для нее все не хватало времени, и она жила в усадьбе, по сути, наложницей, а всем заправлял младший брат Кари Асгрим. И так уж вышло, что, когда Асгрим овдовел и у него осталась только одна дочь Бера, он взял новой женой Торунн, которая к тому времени уже разуверилась стать законной женой твоего отца.

– Ты думаешь, я все это забыл? – не повышая тона, но с заметными гневными интонациями сказал Гуннар. – Нет, я помню, как кричал и сердился мой отец, когда, вернувшись из похода, застал Торунн брюхатой от собственного брата Асгрима!

– Это было давно, и не тебе их судить, Гуннар. Тогда Кари увез тебя в Гардар и Торунн не имела никаких вестей. Она родила Асгриму еще трех сыновей, но, видимо, именно тебе было спрядено богинями судьбы норнами стать хозяином в Раудхольме.

Гуннар ничего не ответил, но оглянулся на стоявшую в стороне Светораду. Увидел, как она что-то говорит своим спутникам и смеется. Сердце Гуннара гулко ударило в груди. Раудхольм – Рыжий Холм, так называлась эта большая усадьба на берегу фьорда. Она была настолько велика, что ее хозяин по праву мог именоваться хевдингом – правителем области, иметь в подчинении много людей, вести торговлю, вершить суд и расправу. По сути, считаться почти князем. Особенно если он богат и ему сопутствует удача. На службе у Эгиля Гуннар достаточно разбогател, а удача... Если его женой станет дочь могущественного конунга из Гардара, то не сможет ли он и сам стать конунгом?

---

<sup>34</sup> Липа ожерелий – красавица, красивая девушка – такие иносказательные выражения у викингов назывались кенингами.

<sup>35</sup> У скандинавов было два вида брачного союза – полный и неполный. По неполному браку женщина не имела законных оснований считаться хозяйкой в усадьбе.

– Что случилось в Раудхольме, раз Торунн послала за мной? – спросил он, не повышая голоса.

– В начале прошлой зимы на берегах фьорда была эпидемия гнилой болезни<sup>36</sup>. От нее умер Асгрим, умерли и все трое его сыновей. Усадьба осталась без хозяина, и Торунн правила сама. Но тут Бера, дочка Асгрима, к тому времени уже вышедшая замуж за соседнего бондера<sup>37</sup>, неожиданно предъявила права на усадьбу отца. Они с мужем решили, что пришла пора взять правление в Раудхольме в свои руки. Дело едва не дошло до вооруженного столкновения, ибо Торунн не из тех, кто легко отдает нажитое. Однако в ту пору был созван тинг<sup>38</sup>, на котором рассмотрели и вопрос о наследстве твоего отца. Было принято такое решение: если в Раудхольм до следующего праздника Йоля<sup>39</sup> не явится сын старшего из братьев, то есть ты, усадьба и все прилегающие к ней земли перейдут к Бере и ее мужу. Так что тебе решать...

– Сейчас вы продолжите свой путь к Смоленску, – резко Хравна Гуннар. – Там вы станете среди судов в гавани и будете ждать моего решения. Я же... – Он оглянулся на Светораду. – Пока мне следует проводить княжну и гостей. А потом я переговорю с князем Эгилем Золото!

Последние слова он почти выкрикнул, так что Светорада и ее спутники оглянулись, дивясь, отчего это так шумит обычно сдержанный варяг. А он уже шел к ним.

– Едем, княжна. Едем немедленно! И даже если все лешие и водяные сойдутся на нашем пути, они не помешают мне увидеться с князем до наступления сумерек и потребовать от него того, что я должен получить по праву!

Он почти вскинул Светораду в седло, но на какой-то миг задержался, пристально поглядев на нее. Княжна, несколько озадаченная, тоже не могла отвести от Гуннара глаз. Она видела, как непривычно ярко блестят глаза варяга, как странно изменилось его лицо, как растянулись в улыбке губы, обнажив крупные зубы... С неожиданным удивлением княжна вдруг поняла, что видит улыбку Гуннара едва ли не впервые в жизни. И отчего-то ей стало не по себе, ибо в этой улыбке было что-то смутно напominившее ей оскал зверя...

К Смоленску они подъезжали уже на закате. Алым отблеском светилась река, золотисто-рыжими казались ели на ее берегах. У причалов рядами стояли многочисленные струги с резными головами диковинных зверей на высоких штевнях. Весной начиналось время судоходства, корабельщики спешили в путь, купцы готовили суда, и над низинными ремесленными посадами стлался дым от котлов смолильщиков, стучали топоры, разлеталась светлая стружка.

В нижнем посаде у реки и вечером не стихала кипучая жизнь. Сновали носильщики, по рядам лоточников важно прохаживались торговые гости, оглядывая товар. По сходням на пристани тащили пузатые мешки, тянули за рога жалобно блеявших баранов, катили бочонки. В вечернем воздухе над городом носился дымок от многочисленных бань, располагавшихся вдоль реки. Ну а вверх поднималась дорога в сам град Смоленск, окруженный внушительным частоколом.

Внутри было тесно от дворов и усадеб. И везде заборы. Зато ворота часто украшены резьбой и богато раскрашены – для красоты. И часто возле усадеб оставляли расти березку. Также для красоты. А вот улицы в дождливое время были грязными. Зато по сухой поре плотно утрамбованная земля выглядела светлой и ровной.

Детинец с жилищем князя Эгиля располагался среди градских несколько отдельно, чтобы с заборолов<sup>40</sup> можно было видеть приближающихся. А въезд уходил под арку мощной срубной

---

<sup>36</sup> Гнилая болезнь – оспа.

<sup>37</sup> Бондер – свободный землевладелец.

<sup>38</sup> Тинг – собрание свободных людей.

<sup>39</sup> Йоль – день зимнего солнцестояния (в начале января); праздник в честь бога Тора.

<sup>40</sup> Заборол – укрепленная бревенчатая стена с переходами, на которых несут службу дозорные.

башни, возведенной среди земляной насыпи, окружавшей детинец. Подковы коней тут гулко простучали по бревнам прохода, а затем процокали по мощенному камнем двору внутренней крепости. Сразу за воротами росли в ряд несколько высоких елей, столь древних, что говорят вокруг них селились еще первые смоленские поселенцы. Поэтому, как бы не располагались службы и хозяйские постройки, эти ели никто не смел спилить. И они, как своеобразная аллея, вели к терему князя – высокому, с раскрашенными шатровыми кровлями, разной галерей, с позолоченными петушками на тонких шпилях.

У теремного крыльца Светорада, не дожидаясь дежурного гридня<sup>41</sup>, легко соскочила с лошади.

– Гуннар, подожди!

Но всегда предупредительный варяг только глянул через плечо.

– В другое время, княжна. Сейчас мне надо видеть Эгиля.

Не только Светораде, но и ее спутникам было ясно, что Гуннар на что-то решился. Служилый воевода князя, теперь, когда прибыли его люди с Севера, вмиг мог стать влиятельным ярлом и не преминет напомнить об уговоре князя с Кари. Потому и хазарский царевич, и именитый грек поспешили за варягом.

В тереме Эгиля гридница начиналась прямо от широкого входа. Она уходила вперед, а вверху, под двускатной крышей, на тяжелых цепях висели кованые круги, в которых горели расположенные по окружности светильники, озаряя это богатое обширное помещение. Гридница была такой широкой, что вдоль нее, поддерживая кровлю, стояли два ряда деревянных столбов, густо выкрашенных охрой и покрытых резными узорами в виде трав и цветов. При чем резьба была богато украшена позолотой, что сияла и при вечернем освещении. Именно поэтому она носила название Золотой Гридницы князя Эгиля.

Сам князь восседал на небольшом возвышении в конце залы, там, где на торцевой стене висел привезенный из Византии яркий ковер, изображавший глазастое солнце с расходящимися лучами. Подле него на легком кожаном стуле сидел худой длинноволосый юноша, а рядом стоял крепкий чернобородый купец в бобровой шапке и в крытом богатым сукном охабене<sup>42</sup>. Купец что-то негромко говорил, даже руками разводил, поясняя, князь Эгиль внимательно слушал, порой кивал, а юноша кусал ногти и, похоже, волновался.

Тяжелые шаги Гуннара отвлекли всех троих от беседы. Эгиль поднял голову и внимательно взглянул сначала на него, а потом и на спешивших следом женихов Светорады. У князя было худощавое лицо, аккуратно подстриженная борода и зачесанные на прямой пробор волосы – светло-золотистого цвета, так что седина была почти не заметна. Да и вообще Эгиль казался моложе своих лет, только, пожалуй, выражение лица выдавало его возраст. И еще одна деталь: на лбу Эгиля был старый белесый шрам, пересекавший золотистую бровь и слегка задевавший веко, так что левый глаз Эгиля был немного прикрыт. Это был князь-воин, но прежде всего – князь.

Но сперва Эгиль обратился именно к дочери:

– Ты задержалась на охоте, княжна. Матери пришлось отдавать распоряжения без помощницы, она недовольна. Иди отчитайся перед ней.

Светорада поклонилась и послушно взбежала по боковой лестнице в верхние покои. Там, в темном переходе, едва не налетела на идущую со стопкой полотна старую женщину. Та едва не выронила свою ношу.

– Ишь, оглашенная! Не ходит, а носится, не шествует, а все подпрыгивает, как коза. Этому ли я тебя учила, Рада?

Девушка, будто не замечая ворчания старой женщины, обняла ее.

---

<sup>41</sup> Гридень – служивший при князе воин; гридни выполняли охранные функции и прислуживали семье князя.

<sup>42</sup> Охабень – одежда наподобие дорожного плаща.



– Не гневайся, нянька Текла. Скажи лучше, где матушка моя?

Старуха все еще ворчала, но уже не со зла, а по привычке. Наконец ответила, что княгиня проверяет работу умелиц в ткацкой.

В ткацкой были большие окна, позволявшие и по ясной вечерней поре работать над станами. Возле одного из таких стояла княгиня Гордоксева, разглядывая на свет работу одной из ткачих. На звук шагов дочери, она обернулась.

Княгиня Смоленская была полной, но статной и величавой женщиной. На ней было простое одеяние зеленого сукна с яркой вышивкой на груди и по подолу, а голову покрывала светлая тонкая ткань, удерживаемая головным чеканным обручем. Лицо княгини с возрастом утратило четкость линий, и полный подбородок плавно переходил в шею, но Гордоксева все еще оставалась на привлекательной женщиной, с большими светло-кариими глазами, свежим ртом и тонким прямым носом. Несколько легких морщин в уголках глаз и между бровями придавали облику княгини мудрый и значительный вид.

– Ну вот, наконец и княжна явилась, – молвила Гордоксева, возвращая мастерице ткань. – О мать Макошь<sup>43</sup>, на кого ты похожа, дочь! А волосы-то как растрепаны! Ты сейчас выглядишь не как княжна Смоленская, а как теремная девка, вернувшаяся после сбора ягод. Смотри, даже хвоя застряла в волосах.

Светорада ничуть не обиделась на упреки матери. Княжна знала, что выглядит пригожей и в таком виде, даже краше всех этих девушек-мастериц, с их гладко зачесанными и заплетенными в косы волосами.

Послушно сев на указанное матерью место, Светорада сняла жемчужное очелье с головы, позволив расчесать себя. Княгиня, достав из футляра на поясе гребень, осторожно стала водить по волосам дочери. Лицо Гордоксевой оставалось суровым, но то, как ласково она касалась кудрей Светорады, начав от самых кончиков, как нежно перебирала золотые завитки волос, говорило о ее любви к дочери. И когда княжна слегка вздрогнула, она тут же наклонилась к ней, спросив, не сделала ли больно.

– Что? – как будто очнувшись от грез, спросила Светорада. – Нет, матушка, все ладно. Но мои думы сейчас о другом.

И Светорада поведала матери о встрече Гуннара с хирдманнами его отца, о том, как те стали расспрашивать о былой помолвке и как все это взволновало ее женихов. А сейчас все трое пришли к Эгилю и, похоже, намерены потребовать скорого ответа.

Гордоксева нахмурила темные брови.

– Ох, не ладно это. Гуннар за эти годы вошел в силу. Да и в Гнездово, где ныне собралось столько варягов, его почитают за первого. Не хватало еще, чтобы он затаил обиду на князя и наделал глупостей.

– Но ведь он вырос в доме отца, он не посмеет причинить нам неприятности...

– От этого Хмурого всего можно ожидать. А его требование исполнить давний уговор... Так можно и прогневить царевича Овадию. А нам сейчас как никогда нужен мир с хазарами. Благодаря тому, что Овадия сватает тебя, мы уже почти год не знаем набегов степняков. Да и грек... Торговля с Корсунем одна из основ богатства Смоленска.

Княгиня говорила тихой скороговоркой, так что не понять, рассуждает ли она вслух или обращается к дочери. И тогда Светорада спросила, что думает мать: кого выберут ей в суженые? Как всякую девицу, княжну волновало предстоящее замужество, она была послушна воле отца, но, хотя и нравилось ей заигрывать со знатными женихами, в глубине души она желала еще пожить под родительским кровом.

Гордоксева вдруг отложила гребень и торопливо вышла. И неутомимая княжна тут же кинулась за ней.

---

<sup>43</sup> Макошь – главное женское божество у славян, богиня женской судьбы и всех женских работ.

Миновав переходы терема, мать и дочь остановились у занавешенного толстой пестрой тканью входа в гридницу. Светорада, поняв, что мать ее не гонит, даже осмелилась заглянуть в щель.

Сначала она увидела нынешнего чернобородого купца. Светорада заметила, что чернобородый внимательно следит за происходящим и даже как будто нервничает. Потом Светорада чуть отвела ткань и увидела отца, а рядом с ним своего увечного брата Асмунда. Оба смотрели на стоявшего перед ними Гуннара, в то время как Овадия и Ипатий сидели в стороне у одной из колонн.

Князь Эгиль негромко говорил Гуннару:

– То было давно. И даже если, как ты уверяешь, есть свидетели нашего уговора с Кари Неспокойным, то я напому: договор был заключен во хмелю и на другой день Кари уехал, более не помянув о том. Пойми, Гуннар, твой отец знал, что глупо обговаривать брак вот так рукобитием, не обговорив всего, что должно: размера приданного, мунд<sup>44</sup> от жениха, местожительство обоих после брака. И к чему было обговаривать, когда невеста еще лежала в пеленках, и не было ясно, вырастет ли она или умрет, как иные наши дети с Гордоксевой.

– Зачем ты так говоришь, князь? – низким глухим голосом проговорил варяг, хмуро глядя на Эгиля. – Отец не стал повторно обсуждать с тобой договор о нас со Светорадой, ибо считал дело решенным. Ведь вы были друзьями, и Кари Неспокойный полагал, что слова друга ему достаточно. А то, был ли заключен договор за чаркой меда или в какое другое время, его не волновало.

– Нет, Гуннар. Просто мы с Кари уже не были простыми викингками, ищущими удачу и славу. Я стал князем Смоленским, а Кари...

– Мой отец владел богатой усадьбой в Согне, – вскинул голову Гуннар, и его светлые глаза нехорошо сверкнули, а руки сильнее сжали пояс. – Он был благородного рода и тебе не будет бесчестьем породниться с таким, как я. Тем более что прибывшие за мной из Согна люди желают, чтобы я вступил в отцовские владения, стал их хевдингом и правил краем. Светорада же станет там госпожой моих людей.

Княжна при этом заметила, как при этих словах встрепенулся ее брат Асмунд, перестал грызть ногти и с волнением поглядел на отца. Однако князь Эгиль оставался спокоен. Светорада видела его профиль с небольшим ястребиным носом, волну ниспадавших из-под золотого обруча волос.

– Скажу тебе, Гуннар, что и я порой вспоминал о том уговоре – негромко начал он. – Я видел, как ты относишься к Лисгладе, замечал, что и она привязалась к тебе. Иногда я и впрямь думал... Ты ведь неглуп и тоже понимаешь, что мой старший сын Ингельд не создан быть правителем и я не решусь оставить ему Смоленск. И хотя боги дали мне еще Асмунда, – князь положил руку на плечо младшего сына, – но они же и решили лишить его сил. Вот я и думал: неплохо, если бы Асмунд стал князем в Смоленске, а ты был тут воеводой и вы правили бы вместе, как у хазар правят каган и бек-шад<sup>45</sup>. А сестра увечного Асмунда стала бы твоей женой, породнив вас с князем. Но это было до того как... – Он неожиданно умолк, а стоявший у ковра чернобородый как будто вздохнул с облегчением. – Теперь все изменилось, – решительно закончил Эгиль Золото.

Гуннар глухо произнес:

– Так это отказ?

Эгиль кивнул.

– Участь Светорады решена. Но я рад, если ты станешь хозяином Раудхольма. Ты заслуживаешь хорошей доли.

---

<sup>44</sup> Мунд – своеобразный выкуп за невесту. На Руси он назывался вено.

<sup>45</sup> Хотя считалось, что главой Хазарского каганата является каган (хан), но власть над войсками принадлежала бек-шаду.

Гуннар стал медленно отступать. Дышал он так тяжело, что Светораде даже стало жаль его. И все же она испытала невольное облегчение.

Гуннар уже поворачивался от помоста, когда на него почти налетел Овадия. Царевич бросился к князю, и глаза его весело горели.

– Я рад, конунг, что ты принял достойное решение. Княжна, твоя дочь, слишком высоко стоит, чтобы стать простой хозяйкой усадьбы на Севере. Она должна быть госпожой над множеством людей, возвыситься над ними, как светлая луна над землей. И...

– погоди, царевич, – поднял руку князь. – Если я отказал в руке дочери своему дорогому воспитаннику, это еще не означает, что мой выбор пал на тебя.

Овадия так и застыл, лицо его потемнело, как сумерки. Уже отходивший Гуннар невольно замедлил шаг. Пусть он не получил руку княжны, но ему было приятно знать, что и его соперники остались ни с чем.

Эгиль заговорил:

– Вы сегодня пришли ко мне, все трое, поставив условие немедленно дать ответ о судьбе княжны. Что ж, наверное, я и в самом деле долго тянул с решением, выбирая среди вас. И теперь я отвечу, что решил. И если ранее я подумывал через дочь породниться с хазарами, то недавно я узнал, что брак с тобой, Овадия бен-Муниш, не будет столь уж выгоден как для Смоленска, так и для моей дочери.

К удивлению Светорады, надменный Овадия не вспылil после этих слов, а, наоборот, как-то сник, черные ресницы затенили глаза, лицо побледнело. Он молчал, а князь повернулся к Асмунду.

– Говори, княжич.

– Мои люди, – начал Асмунд, и Светораду, как всегда, зачаровал приятный негромкий голос брата. – Мои люди вернулись недавно из Итиля<sup>46</sup>. И они поведали, что хотя ты, Овадия бен Муниш, и являешься старшим и любимым сыном кагана, но среди хазарской верхушки слынешь не столь уж высокородным. В глазах правителей-раходанитов<sup>47</sup> ты не являешься даже белым хазарином<sup>48</sup>. Ты силен, пока длится срок правления кагана Муниша, но останутся ли у тебя власть и влияние, когда благородный Муниш уйдет к вашему Яхве? К тому же почетной женой у хазарина может быть только иудейка. Каково же будет княжне Смоленской в твоём гареме, когда ею начнут помыкать дочери раходанитов, на одной из которых ты обязан будешь жениться, чтобы остаться у власти?

Асмунд говорил негромко, его голос звучал мелодично. Он был очень мудр, этот младший сын Эгиля. И хотя он сказал, по сути, много обидного для Овадии, тот только молча отошел в сторону, поняв, что дочь могущественного правителя Смоленска никогда не станет его женой.

Теперь все поглядели на Ипатия. Грек не приблизился, оставшись молча сидеть на скамье у колонны, положив ногу на ногу и обхватив руками колено. Тогда князь обратился к нему:

– Выдержка никогда не изменяет тебе, Ипатий Малеил. Вы, греки, вообще весьма уважительно относитесь к власти, и я всегда ценил твое умение знать свое место. Ты и прежде бывал частым гостем в Смоленске, и твои приезды были мне в радость. Теперь же, готовясь стать правителем Корсуня, ты понял, что достаточно возвысился, чтобы породниться с дочерью варвара, – ведь так вы в Византии называете нас, русов?

– Для меня ты всегда был мудрым и могущественным архонтом<sup>49</sup>, Эгиль Золото. И скажу, что с удовольствием вел с тобой дела и уважал тебя более прочих правителей Руси. Брак с

---

<sup>46</sup> Итиль – столица Хазарского каганата в устье Волги.

<sup>47</sup> Раходаниты – еврейская правящая верхушка Хазарии. После принятия хазарами иудаизма только они имели право занимать верховные посты при кагане.

<sup>48</sup> Белые хазары – хазарская аристократия, в отличие от кочевников-хазар, называвшихся черными хазарами.

<sup>49</sup> Архонт – должность, соответствовавшая владетельному князю.

твоей дочерью не уронит меня в глазах Святого престола, более того – ее станут почитать как цесаревну, и наш союз даже сможет послужить возвышению моей семьи. Однако, я вижу, ты переглядываешься со своим мудрым сыном. Что же изречет он, чтобы и я посчитал свое сватовство неуместным?

– Ты ведь женат, Ипатий, – негромко проговорил Асмунд.

За занавеской Светорада ахнула, и мать невольно сжала ей руку.

– Не зря о византийцах говорят, что они хитры, как лисы, – тихо шепнула княгиня.

Однако Ипатий спокойно отнесся к сказанному. Поднявшись, он прошелся перед князем, заложил руки за спину, даже чуть улыбнулся.

– Что тебе до моей супруги, князь? Ваши князья держат у себя в теремах не одну, а гораздо больше жен. Я не говорю, конечно, о тебе и мудрой княгине Гордоксее. Ваш союз благословлен Небом! Я же хотел сделать Светораду правительницей в Херсонесе, а от этого тебе была бы немалая выгода. Что же до моей жены... Ее и женой нельзя назвать, ибо она очень больна и уже несколько лет безвыездно находится в одном из монастырей. К тому же я поставил вопрос перед высшими церковными иерархами в Константинополе о разводе с ней. По нашим законам муж может оставить жену, если она неизлечимо больна и не способна выполнять супружеские обязанности. И тогда моей единственной и законной женой станет Светорада.

– Но она не будет считаться таковой, если ваш брак не освятят в храме Христа, – веско заметил Асмунд.

Ипатий чуть поклонился.

– Так, юный архонт, так. Однако я убежден, что со временем Светорада пойдет на такой шаг и примет веру Христову. По убеждению или из желания упрочить свое положение, ведь она умная девушка и сама все поймет. А до того будет жить в роскоши и почете, которые доступны только женщинам в Византии.

– Довольно, Ипатий Малеил, – поднял руку князь. – Мне известно, насколько ты сладкоречив. Знаю, сейчас ты напомним о том, как мечтают наши девицы променять жизнь на Руси на роскошное существование в Византии. И не говори мне о благе такого союза для Смоленска, когда подле тебя в Корсуне будет моя дочь. Я сам это понимаю и скажу, что до недавнего времени в моих глазах ты был наиболее подходящим женихом для Светорады. Однако теперь все изменилось.

Эгиль оглянулся на стоявшего у ковра чернобородого, и все тоже поглядели на него, а княжна с испугом подумала о том, что отец именно его присмотрел ей в мужья. Однако князь сказал, что это посланец из Киева.

– Я думаю, вы трое достаточно разумны, чтобы понять, как важен для Смоленска союз со стольным градом на Днепре. Ибо князь Олег просит у меня руки Светорады для своего воспитанника Игоря.

В гриднице наступила такая тишина, что стало слышно, как мечется пламя в светильниках. В том, что участь Светорады теперь решена, никто из женихов больше не сомневался. Объединить Киев и Смоленск под единой сильной властью, породниться с самим наследником великого князя Олега – без сомнения, было лучшим решением. И женихи сразу погрузнели. Однако все они вскинули глаза, когда князь неожиданно добавил:

– После празднования в травне дня Матери Земли я жду князя Олега и княжича Игоря к себе в Смоленск. Однако замечу, что я люблю свою дочь, и, как бы ни был выгоден Смоленску союз с Киевом, только самой княжне решать, мил ли ей молодой Игорь, сын Рюрика. Ибо я желаю видеть Светораду счастливой.

В глазах у женихов зажглась надежда, они переглянулись, словно спрашивая друг у друга: не остается ли для них шанса в этом выборе, который Эгиль неожиданно оставил за дочерью?

За занавеской Гордоксева перевела дыхание. В полумраке она улыбнулась дочери и стала подниматься по лестнице. Княжна тут же нагнала ее, стала теревить за рукав.

– Матушка, а каков собой княжич Игорь? Он ведь молод? Почему же его называют старым? И ведь говорят, что он смел да удал? Ну скажи же!

– Сама увидишь, – ответила Гордоксева.

Она не переставала улыбаться, довольная решением мужа.

## Глава 3

Ольга стояла на галерейке терема Вышгорода и смотрела, как во дворе Игорь садится в седло. Молодой князь был весел, перекинулся со своими кметями, чему-то смеялся. К нему подошел воевода Кудияр, положил руку на гриву вороного и что-то сказал. Игорь ответил, потом засмеялся, поправляя обруч, стягивающий его темные, с седой прядью волосы. У Ольги защемило сердце – так красив и ловок он был... Себя же она чувствовала волочайкой безотказной. Олег возвысить ее хотел, отдал в удел град Вышгород, а она, как раньше, не могла отказать Игорю, едва тот навестил ее на новом месте.

– Ишь, какая стала, – отметил он сразу после приезда, окидывая любовницу горячим взглядом. – И впрямь княгиня!

Ольге еще непривычно было ходить в тяжелой бабьей одежде, цеплялась длинным подолом, а когда садилась, по привычке широко расставляла ноги, пока не заметила недоумения в глазах у людей. После дружинной-то жизни пойдя привычки сразу к величавой и властной манере посадницы. Но то, что Игорю она такой глянулась, сразу отметила. Он провел в ее тереме всего день, а она уже поняла – ночью придет...

Княжич был ненасытен, словно со времени ее отъезда и не знал женщин. Целовал упорительно, ласкал жадно, вновь и вновь входил в нее. Когда перед самой зорькой начал устало подремывать, Ольга осмелилась спросить:

– Когда за невестой-то едешь?

– Что? А, это. Да завтра уже сборы начнутся.

Отвернулся к стене и заснул. Удовлетворив Удову страсть, Игорь всегда становился безразличен.

А на другой день вел себя сдержанно – как князь, приехавший посмотреть на работу посадницы. Оглядел все, расспросил, и Ольга не раз и не два замечала уважительное выражение в его синих глазах.

– До чего ты мудра, Прекраса. И двух седмиц не пробыла в Вышгороде, а как быстро развернулась. И то у нее сделано, и с теми все улажено. Да и люд местный тобой доволен.

Ольге бы в дела уйти, отвлечься, а она все думает о сватовстве Игоря к другой. Вроде после такой ночи и не должна кручиниться, а вот же...

Воевода Кудияр, и тот понял, сказал как-то ненароком:

– Ты погоди, Ольгушка, еще не известно, чем это сватовство обернется, а тебя князь любит.

Она спросила, чем же может обернуться сватовство, если Кудияр, сам будучи родом из Смоленска, сомневается. Но тот только усмехнулся в кудрявую бородку.

– Слышал я, что Эгиль Золото оставил за дочкой право выбора. Игорь, конечно, сокол, однако я-то знаю эту Светорадку. И как перед волхвом скажу – непростая она девка.

Что бы ни ощутила Ольга в тот момент, но в глубине души понимала – для Киева будет лучше, если Игорь со Смоленской княжной поженятся. Но все же... Все же...

Не удержавшись, она попросила Игоря взять ее с собой в Смоленск.

Он поглядел на нее странно.

– Тебе-то это зачем? Неужто уже приелось управлять Вышгородом? Однако если настаиваешь – я не против. Ты только у Олега дозволения спроси.

Конечно, у кого же еще, как не у светлого князя спрашивать. Но про себя Ольга уже решила – поедет. А там, глядишь, и сложат боги все так, что удастся отвести глаза Игоря от невесты.

Но сейчас Игорь был весел. Сама мысль о том, что едет он за писаной красавицей, наполняла его задором и воодушевлением. Потому он и смеялся, слушая, что говорит Кудияр. Но

сам Кудияр был серьезен. Видя, что княжич не больно-то ему внимает, воевода оглянулся на посадницу.

Ольга поманила его рукой.

– Что за кручина?

К Кудияру она благоволила. Высокий, крепкий, с кудрявой коротко подрезанной бородой и ярко-голубыми глазами с прищуром, он был ей другом еще с тех пор, как защищал юную поляницу в дружинной избе. Да и нрав его, всегда ровный, доброжелательный, располагал к нему Ольгу.

– Мой Стемид куда-то пропал, – в голосе Кудияра ощущалось беспокойство.

Ольга поняла. Стемка Стрелок был сыном Кудияра и предметом его постоянных волнений. То Стемка дрался с посадскими мужиками, то его травил дворян боярина Вавилы, то ловили люди старшины Копырева конца в Киеве. И все из-за женщин. То пряткий парень чью-то невесту обрюхатит, то с женой боярской переспит. Бабы за соколика Стемку умереть были готовы, а их женихи и мужья столь же яро его ненавидели. А молва гласила: пропала та девка, на которую Стемид Кудияров сын посмотрит ласково.

Сейчас Кудияра заботило то, что в Вышгороде Стема положил глаз на дочь известного боярина Люта, Палагу. Девка-то была видная, но заневестившаяся, так как боярин никак не мог решить, кого лучше в зятя взять. Вот и тянул. Ну, а сама боярышня, как поболтала со Стемидом на посиделках, так и слала посыльных, желая вызвать понравившегося парня. А зачем? Ведь Стему не заставишь жениться, а вот воспользоваться расположением влюбленной Палаги он мог вполне. Вот и опасается Кудияр, как бы лиха не вышло. Он даже Игорю о том поведал, да только Игорю сейчас все потехой кажется. Смеется, говорит: вот налюбится Стема, и сам прилетит в дружинную избу.

Ольга выслушала воеводу спокойно, даже посмеялась в душе: как тревожится за сына этот бывалый дружинник. Кудияр жизнь провел в походах, жил бобылем, семьей не обзаводился, а Стему к нему в Киев прислали откуда-то со стороны. Мол, твой, не оставь. И Кудияр принял парня, да только с тех пор и начались у него все тревоги.

– Ладно, – сказала Ольга, – если смогу, разберусь. И Стемку, как увижу, сразу в Киев отправлю. А его хоть собирается Игорь брать в Смоленск? Слыхивала, Стема твой оттуда, как и ты.

– Оба поедem, – кивнул Кудияр. – Но, будь моя воля, я бы его туда ни за какие...

Он не договорил, оглянулся на выезжающих за ворота дружинников и поспешил к своему гнедому. А Ольга и думать о нем сразу забыла. Глядела на отъезжавшего Игоря, на его разлетающиеся в скачке шелковистые темные волосы, на красиво покачивающийся в седле сильный торс и загадала: если обернется на нее, не сладится у него со Светорадой Смоленской. А не обернется...

Игорь уехал не оглянувшись. Ольгу же тиуны и городники<sup>50</sup> обступили, что-то узнать хотели, наказ получить. Она провела с ними остаток дня, желая отвлечься и заглушить тоску работой. Потом трапезничала, сидя во главе стола в гриднице. Люди кланялись ей, бояре смотрели уважительно, сенные девки рвались угодить молодой хозяйке. Вечером ее отвели в опочивальню, взбили пуховые перины, откинули покрывало из пушистой белки, подвесили на золоченый завиток на стене ночник-светильник. А когда все вышли...

Нет, Ольга какое-то время еще крепилась, глядела, как колеблется на носике светильника огонек, потом свет его стал расплываться в пелене набежавших слез, становиться похожим на летающую – желтую звездочку, упавшую с небес, чтобы подарить кому-то счастье и любовь... Ольга всхлипнула, а через мгновение уже рыдала, давась слезами и уткнувшись в подушку, которая еще хранила запах Игоря...

---

<sup>50</sup> Тиун – управляющий; городник – должностное лицо, ведавшее градостроительством.

Сейчас, когда ее никто не видел, она могла себе позволить быть слабой. Вот и плакала горько о потерянном счастье, о горькой Недоле, разлучающей ее с тем, кто мил. И еще плакала оттого, что Игорь так равнодушно отнесся к ее беременности.

– Говоришь, это уже точно? Что ж, добро. Вот только мой ли?

От обиды у Ольги перехватило дыхание, а Игорь словно и не замечал. Стал говорить, что, раз Ольга в дружинной избе жила, люди всякое начнут болтать. А вот Светорада девица чистая и может достойной женой ему стать. Так и в других странах принято, и это понятно: наследник должен быть от женщины непорочной и славной родом, чтобы никто не усомнился в его происхождении.

Говорил это Ольге Игорь так, будто и не провел с ней ночь, а как-то по-приятельски. Что ж, у них и впрямь порой складывались отношения, как у друзей, вот и не таился перед ней. Словно забыв, что она беременна от него...

Другой порадовался бы, что дитя его носит, однако Ольга уже успела приметить: это в селищах, где всем родом живут, беременная баба особым вниманием пользуется и поддержкой. От кого бы ни понесла, ей только прибавится уважения, так как все увидят, что не бесплодную вырастили, и такую скорее замуж пристроят. Ребенка же, если новый муж не пожелает взять нагулыша, вырастят всем родом, в обиду не дадут. Иначе было в стольном Киеве у полян. Здесь все держалось на прямой преемственности кровных родственников, чтобы нажитое добро передать только собственному наследнику. Оттого нагулявшую ребенка девку, если приданым семья не откупится, могут и в волочайки зачислить. Но особенно зазорно, если понесет девица знатного рода. А что уж говорить о княгине-посаднице...

Ольга почти завывала, уткнувшись лицом в подушку, чтобы спавшие под дверью челядинки не услышали. Теперь она у всех на виду, ее почитают и дурного знать не захотят. И что же с ней станет, когда живот ее округлится, как сможет она важных бояр своей воле подчинить, заставить купцов следовать ее приказу, когда пойдут сплетни да пересуды? А Олег? Она пользуется его доверием, уважением, как сказать ему о беременности?

Выйти и плакать было уже невозможно. Ольга резко села на постели. По опыту знала, что не следует оставаться там, где кручина давит. Уйти бы куда-нибудь. Да только теперь она посадница и ей непросто без причины удалиться из терема. Люди приглядывать станут, сплетни понесут. Разве вот только...

Ольга глянула на ларь у изножья кровати. В нем среди прочего хранилась ее мужская одежда, в которой она в Вышгород из Самвата прибыла. С того дня, как появилась здесь, Ольга ни разу надеть ее не посмела. Однако сейчас ей хотелось исчезнуть, и, только переодевшись, она могла покинуть терем незамеченной.

Посадница собралась быстро. Натянула кожаные штаны с латкой на колене, обулась в постолы-калиги из мягкой кожи, плотно обтягивавшие ступни, обвязала вокруг голеней ремешки. Вместо расшитой длинной исподницы наинула на тело короткую рубашу с красными ластовицами, как у мужика, а косу, уложив вокруг головы, накрыла войлочным колпаком. В мужском наряде ей сразу стало привычнее, двигалось легче, будто ни о какой беременности и речи не было. Да и как догадаться, если живот у нее еще маленький, груди только наливались начали, бедра по-юношески узкие. Взглянув на себя в посеребренное хазарское зеркало на стене, Ольга даже усмехнулась. Ни дать ни взять отрок юный. А когда надела опушенную зайцем безрукавку и привычно повесила через плечо меч, то и вовсе на парня-дружинника похожа стала.

Почему Ольга меч взяла, она сама не могла сказать. Но в мужской одежде и без оружия она себя словно не вполне одетой чувствовала. Только когда в окошко вылезала, постаралась не задеть рукоятью о раму. Меч свой уважать надо, а у Ольги он был особенный – с оплетенной ремнями рукоятью, со сверкающим, закругленным на конце клинком из доброй темной стали. Этот меч ей сам Олег подарил, когда понял, что она твердо решила стать поляницей,



а Игорь в минуту особого расположения ножны к нему заказал: обшитые рыжим бархатом, с серебряными накладками.

Ольга замерла на миг за высоким окошком, держась рукой за подоконник и опираясь ногами о резной карниз. Еще только поселившись в тереме, она на всякий случай посмотрела, как из него тайно выбраться, если понадобится, – сказала воинская привычка всегда иметь запасной выход. Тогда же и приглядела этот путь, да только проверить все недосуг было. Сейчас же решила попробовать, чтобы отвлечься, не изводить себя думой о своей беде.

Вот и отвлеклась. Стояла на невесть какой высоте, оглядываясь по сторонам. Ночь была звездная, но безлунная, душная. На стене ее вряд ли увидят с заборолов, однако и она мало что различала. Наконец девушка решила и стала медленно двигаться по карнизу, прижавшись телом к бревенчатой стене и опасаясь смотреть вниз. Однако все оказалось не таким страшным, и Ольга скоро добралась до угла, где крест-накрест расходились угловые бревна. Взявшись за них, она легко спустилась на крышу одной из галереек, пошла бесшумно по наклонным тесаным перекрытиям до следующего строения. Здесь предстояло самое трудное – перескочить на крытую дерном кровлю подсобного помещения. Но натренированное молодое тело не подвело – и через миг девушка уже приземлилась на крышу, только с легким шорохом посыпалась труха. Она лишь успела подумать: не расслышал ли кто-то внизу ее прыжка? Однако это была конюшня, и конюхи наверняка спят на мягкой соломе, ничего не слышат. Зато рядом с конюшней рос большой ветвистый дуб. Ольга осторожно подобралась к нему, дотянулась до висевшей над кровлей ветки, а спуститься с дерева уже было делом нескольких мгновений.

Внизу она присела в тени и оглянулась. Знала, что на ночь спускают с цепей крепких дворовых псов, а они еще не привыкли считать хозяйку своей, так что мало ли что... И она впервые подумала: на кой ляд ей все это нужно? Как она объяснит своим же, почему точно призрак бродит по собственному дворищу? Но уж если решилась...

Ольга прикинула расстояние до ближайшего частокола. Двор был пустынен, псы, видимо, предпочли крутиться у ворот, где собравшиеся вокруг костра дежурные стражи могут угостить чем-нибудь. Ольга отметила про себя, что следует отменить эту традицию – сторожевые псы должны быть голодными и быстрыми, а не толкаться на одном месте в ожидании подачи. Но сейчас это было ей только на руку. И, оглядев еще раз все вокруг, определив по тени на стене, что стражник с копьем находится далеко, она легко пересекла двор, взбежала по сходням на заборы.

Частокол детинца Вышгорода изнутри был крепко подперт насыпью земляного вала, поэтому высокое снаружи ограждение с внутренней стороны было значительно ниже, а заостренные бревна изгороди здесь едва доходили до груди. Вдоль них шли деревянные покрытия с перилами, и где-то здесь, под оградой, должны были лежать длинные шесты, которыми пользуются, когда надо покинуть детинец, не отворяя тяжелых ворот.

Ольга опять посмотрела, далеко ли ушел охранник, оглянулась, выискивая глазами второго, но, не заметив его за кровлями построек, стала шарить под стеной. Она еще раньше заметила где-то здесь эти шесты. Так и есть: под тыном лежала гладко оструганная длинная палка, не такая и легкая, как оказалось. Но Ольга все же поднатужилась, перекинула один конец шеста через изгородь и, уперев другой о частокол, легко перемахнула через ограду, а потом соскользнула по древесине вниз. Чтобы не вызвать подозрения, она стянула шест вниз, уложив под забором. На обратном пути пригодится. Однако куда же идти теперь?

Куда глаза глядят. А глядели они в первый же узкий проход между заборами. Ольга неспешно двинулась туда, про себя же решила, что завтра же устроит взбучку постовым. Конечно, Вышгород и внешней оградой укреплен, но это еще не означает, что в детинце можно нести службу спустя рукава, чтобы любой мог как выскочить оттуда, так и проникнуть внутрь. Вокруг Киева шныряют лихие угры, которые даже за рекой осмеливаются грабить рыбацьи селения, поэтому в Вышгороде дозор должен быть налажен как следует. Ах, эти угры... Ольга

вдруг подумала, что, не будь их, не так и важно было бы просить помощи у Эгиля Смоленского и отдавать за Игоря эту Светораду.

Но это были горькие мысли, и, тряхнув головой, Ольга пошла прочь, подальше от того места, откуда долетал звук колотушек ночного сторожа.

Вышгород рос и поднимался на выгодном торге. Потому здесь больше других богов почитали Велеса торгового, и его капище располагалось на одном из широких проездов, так что даже ночью оттуда был виден свет негасимого огня перед изваянием божества. Ольга подошла к капищу довольно близко, чтобы увидеть позолоченные рога идола в вышине. Здесь находились наиболее крупные дворы, двускатные кровли смотрели в разные стороны, угадывались во мраке и резные петушки на их стыках. Навершие ворот замысловатыми тенями выступали во мраке, можно было различить резьбу на столбах, скамеечки по сторонам ворот.

Ольга замедлила шаги, а потом вообще присела на одну из приворотных скамеек. Мысли уносились к тому дню, когда проплывет мимо Вышгорода Игорь, отправляясь за своей распрекрасной невестой, а она должна будет выйти на причал и поклониться его кораблям да пожелать удачи... Подожди-ка, но если ей удастся уговорить Олега, то и она окажется среди сопровождающих жениха Светорады Смоленской. И это хорошо: ждать в Смоленске вестей ей будет унизительнее. Ведь ждут покинутые, а если она в путь отправится, то это будет выглядеть так, что она тоже одобряет волю Игоря жениться на Смоленской княжне.

От размышлений Ольгу отвлек неожиданный шум в усадьбе, у ворот которой она сидела. Хлопанье дверей, чьи-то громкие крики, потом плач. Собака зашлась истошным лаем. И уже отчетливо прозвучало:

– Держи его! Лови лиходея!

– Воры, воры! Держи, лови!

– Ах ты, гадина! Смотри, резанул меня. Окружай его, ребята! Боярин велел не упустить.

Ольга вдруг заметила силуэт человека, неожиданно возникший на частоколе усадьбы. Он уже и ногу перекинул через бревна ограды, но замер, цепляясь, словно не мог вырваться из рук кого-то удерживающего его со двора. И этого мига Ольге хватило, чтобы в отвесах огня Велесова капища узнать беглеца. Стемка Стрелок! Полуголый, растрепанный, босой. А потом он вырвался и перескочил через ограду, приземлившись рядом с Ольгой.

Похоже в первый миг не узнал и занес руку для удара. Но Ольгу бойцовская сноровка не подвела: успела перехватить запястье парня, крутанула так, что он охнул и выронил оружие. А уже в следующий миг ударил кулаком посадницу по лицу. У нее даже голова откинулась, на губах ощутился привкус крови.

Она зашипела:

– Совсем ошалел, Стемка! Своих не узнаешь!

– Ольга? Пресветлые боги!.. А ты что здесь сторожешь?

Сзади слышался звук отпираемых засовов, а через забор уже перелезал крупный мужик, потом еще кто-то появился, спрыгнул пружинисто. В темноте послышался лязг булата.

Стема присел, крутанулся, подсек наскочившего так, что тот отлетел в сторону, выронив тесак. Стемка хотел поднять клинок, наклонился, но другой догонявший навалился на него сверху, обхватил, придавил голову, как в борцовском зажиме, намереваясь свернуть Стемке шею.

– Словил! Словил вора! – закричал детина.

А тут и первый спохватился, поднял тесак, замахнулся, но клинок налетел на подставленный Ольгой меч и был ловко выбит.

– Да он тут с товарищем, паскуда!

Стемка рвался из рук охранника, резко бил локтем назад, стремясь попасть под ребро. И напавший, глухо охнув, наконец ослабил хватку. Стемка тотчас вывернулся ужом, а Ольга в это время что есть силы лягнула второго так, что тот отлетел к забору, осев на скамью.

– Бежим, Стема!

Сзади кричали:

– Караул! Лови! Собак спустите! Пусть грызут.

Ольга со Стемой рванули в темноту. Сзади крики, вопли, зашлась лаем собака.

– А ну к капищу! – на ходу приказала Ольга.

– Кудааа? – протянул Стема, но послушно кинулся следом.

Перед высокой оградой городского капища было открытое пространство, а там, где у входа расходился частокол святилища, виднелся высокий силуэт волхва в длинном одеянии. Заметив подбегавших, он шагнул вперед, поднял над головой длинный посох.

– Прочь или проклятие на вас...

– А ну пропусти!

Ольга сорвала с головы колпак, тряхнула косой. Как хозяйке Вышгорода, ей было дозволено входить в святилище – ей, но не Стеме. Однако узнавший посадницу волхв в первый момент был так ошарашен, что отступил, пропуская обоих.

«А говорят еще, что волхвы ко всякому привычны», – с какой-то злой усмешкой подумала Ольга. Однако времени размышлять не было. Сейчас челядь боярина сообщит, что волхв впустил их в священное место, а там и вынудят выдать. Стемку уж точно отдадут на расправу. Поэтому мешкать было нельзя.

На огороженном со всех сторон пространстве капища горели по кругу яркие костры, освещая гигантский столб бога Велеса и срубную башенку, где волхвы складывали требы. Стемка с интересом озирался вокруг, видел собиравшихся волхвов в длинных одеяниях, заметил и белый камень жертвенного алтаря.

Ольга направилась к одному из служителей.

– Троих волов пришлю в дар, если поможете скрыться, – властно сказала она и без перерыва продолжила: – Нам нужна веревка, чтобы покинуть капище, спустившись на склон за частоколом. Преследователям скажете, что забравшиеся головники<sup>51</sup> все сами взяли, угрожая оружием. Но о том, что узнали меня – молчать. Ну что уставились? А ну живо!

Стемка только таращился на все, машинально поклонился изваянию божества. Потом перевел взгляд на Ольгу и даже языком прищелкнул от восхищения.

– Ох и горазда же ты приказывать, посадница!

Она заметила, что парень стоит скособочившись, а по спине его течет кровь.

– Сможешь спуститься вниз али задели сильно?

– Задели. Ножом, кажись. Но полезу. За тобой, красавица, хоть к Морене<sup>52</sup> в подземелье полезу.

Стемка оставался хвастуном, несмотря на всю серьезность их положения. Такому – ремни из спины режь, а он все будет балагурить. И глаза его, когда он движением головы откинул со лба длинные светло-русые волосы, сверкали с прежним озорством. Но Ольга видела: если в ближайшее время не перевязать ему рану, он ослабеет от потери крови. Поэтому, оглядываясь на волхва, удерживающего у входа их преследователей (не смевших ступить в освященное место, но требовавших выдать им убийц), Ольга приказала волхвам дать еще и полотно на повязку.

Все-таки волхвы толковый народ. Справились быстро, все принесли, особенно удивило Ольгу, что не веревку для спуска дали, а настоящую лестницу со стальными крючьями на концах, чтобы удобнее было зацепить за ограду.

– И зачем такая в хозяйстве служителей бога? – болтал Стемка, когда они уже спускались вниз. – Не иначе как волхвы-кудесники за рыбкой к реке по ночам шастают.

---

<sup>51</sup> Головники – преступники.

<sup>52</sup> Морена – в древнеславянской мифологии богиня тьмы, смерти и холода.

Ольга не ответила. Приключений оказалось больше, чем она ожидала, и ей завтра надо будет употребить всю власть, чтобы замять дело. Да и она сердилась на Стемку, из-за которого попала в переплет. Но оставить его она не могла. Стемка был ее другом, побратимом дружинным, всегда защищал ее на Самвате, да и сердиться на него, такого легкого, пригожего и добродушного, долго не получалось. А тут еще заметила, что кровь из парня так и хлещет.

Его и впрямь шатало, когда спустились. Но он же и указал, куда идти.

– Вон костер за камышами светит. Видать, рыбаки уху варят. Пойдем попросим у них угольков да отсидимся где-нибудь в сторонке.

Примерно через час, когда Ольга перевязала Стему и они сидели у разведенного в зарослях над рекой костра, парень обо всем ей поведал.

– Как я мог не пойти к Палаге, когда она сама напрашивалась? Говорила: упрямый родитель навек оставит ее в девках. А ей уже бабьего хотелось испытать, да так, что в бесчувствие падала от внутреннего жара. Ну и... Она ведь ладная, ядреная. И все твердила, что окошечко в тереме для меня оставит открытым. Не отказываться же было? Она бы потом первая меня на смех подняла.

– Ну а ты, конечно, извелся бы от ее насмешек! Что тебе до Палаги этой, стрелок? Уехал бы в Киев и забыл бы ее с какой-нибудь красавицей. Мало ли их у тебя в стольном? Да и детей, поди, половина Подола.

– Детишки – это всегда хорошо. Меня Род<sup>53</sup> любит, вот и не оставляет моих любушек бесплодными. А Палага... Я ведь полюбил ее.

– Да ты всех любишь, – отмахнулась Ольга. – И Палагу, и остальных. Когда ты угомонишься, Стемид? Живешь словно на острие меча...

– Стрелы, – улыбаясь, поправил парень. – На острие стрелы. И уж куда только меня эта стрела не несет!..

Ольга только руками развела, дивясь его беспечности. Только избежал опасности, весь перевязанный, и неизвестно еще, что ей как посаднице говорить, когда люди именитого Люта придут к ней требовать для опозорившего их кары. Род Люта один из первых в Вышгороде, а тут какой-то вертопрах...

– Ты бы отца своего пожалел, Стема. От тебя у него одна морока.

– Отец, – тихо проговорил Стема, и лицо его стало серьезным. Но уже через минуту он опять белозубо улыбнулся. – А ведь сила Рода у меня от него. Один-единственный раз миловался Кудияр с моей матушкой в капище Лады, а я вот он, соколик.

Даже потеря крови не лишила его обычной игривости. Ольга смотрела на него, освещенного светом огня, и сама невольно начинала улыбаться. Понимала, отчего все так любят Стему, – красивого и дерзкого балагура.

Костер весело потрескивал. Стема поворошил в нем палкой – сноп ярких искр взвился вверх.

– А ведь они меня за свою боярышню и порешить могли – произнес парень, словно только сейчас стал что-то понимать. И поглядел на посадницу уже другими глазами. – И ты мне жизнь спасла, Ольга. Я в долгу перед тобой. А долго ходить в должниках я не привык. – И подмигнул: – Ничего, краса-девица. За мной не пропадет.

Ольга вдруг заметила, что не может отвести от него взгляда. Было в Стеме нечто... Некое живое обаяние и красота, бесшабашная лихость и веселость, которые не могли не очаровывать.

Стемид Кудияров сын был молод, лет двадцати, не более. Не очень высокий, он держался прямо – такая осанка обычно бывает у людей, не вышедших ростом. При этом он был на диво красиво сложен. Ольга с потаенным удовольствием разглядывала его полунагое тело – сплошные мускулы под гладкой загорелой кожей. Шея и плечи у парня были твердыми как камень, но

---

<sup>53</sup> Род – божество плодovitости, покровитель семьи.

в плечах он еще не раздался вширь, что тоже говорило о его юности. А улыбка... Белые зубы, крепкий подбородок, почти девичьи ямочки на щеках. Стема был круглолиц, с небольшим прямым носом и красивым пухлым ртом, выдававшим ласковую чувственность его натуры. Только в глазах, ярко-голубых, с тем же прищуром, что и у Кудияра, угадывалась некая хитринка. Брови – темные с гордым разлетом. Стема привычным жестом время от времени отводил от бровей пепельно-русые пряди волос, закладывал за уши, и Ольга заметила, как один раз он чуть поморщился от резкого движения.

– Болит? – спросила она.

– До свадьбы заживет, – отмахнулся парень. – Нож в меня на излете попал, плечо порезал, но, думаю, через седмицу уже смогу натянуть лук. Да что там через седмицу – я уже завтра в Киев поеду. Ну а там уже начались сборы в Смоленск.

Он вдруг бросил быстрый внимательный взгляд на сидевшую напротив подругу и отвел глаза.

– Прости, Ольга.

Она невозмутимо глядела перед собой, заплетая и расплетая кончик косы. И сказала ровно:

– Я тоже хочу попросить Олега взять меня в Смоленск. Интересно мне на невесту молодого князя поглядеть. Сам-то что скажешь о Светораде этой, Стрелок? Ты ведь родом из смолян. Мне кто-то сказывал, что некогда ты жил при дворе князя Эгиля.

– Жил, – подтвердил Стема, опустив голову так, что длинные волосы упали на глаза.

– Ну так поведай, что за краса ненаглядная эта ваша княжна? Неужто настолько краше меня?

Ольга с деланной шутливостью подбоченилась.

Стема довольно долго молчал, вороша сучья в костре. Заговорил негромко:

– Когда я покинул Смоленск, ей всего одиннадцать годочков было. Маленькая такая была да тоненькая, как прут. Правда, грива волос знатная – чистое золото. Этим она в отца пошла. Эгиля ведь не только за богатство Золотом прозвали, но и за блеск волос солнечный. Ну, и Светорадка...

Он вновь умолк, но Ольге его слов было мало, она расспрашивала еще и еще, однако обычно словоохотливый и любящий все приукрасить Стемид на этот раз был до странности краток. И неожиданно Ольга догадалась:

– Да ты не больно-то любишь ее!

Стема резко поднялся, отошел в тень, а когда вернулся к костру, лицо его было словно вырезанным из камня.

– А за что мне ее любить, такую подлую и лживую? Ей погубить человека – что мне белку стрелой в глаз сбить. Ведь была еще совсем дитя, а гадостей могла сотворить немало.

– Расскажи, – попросила Ольга и даже почувствовала в душе радость.

Стрелок заговорил не сразу. Сел, уронив голову, пряча за длинной челкой глаза.

– Я при тереме Эгиля сызмальства жил. Мать моя умерла в родах, и княгиня Гордоксева взяла меня еще глуздырем<sup>54</sup> под свою опеку взяла. Они с матушкой когда-то были подругами, вот она и позаботилась о ребенке подруги. Кудияр ведь изначально и не ведал, что я родился. Он мать на капище Лады брал. Ну ты знаешь, Ольга, когда девица долго в девках засиживается, волхвы ее на капище отправляют. Нельзя ведь, чтобы женщина забывала для чего ей боги дали лоно, вот и должна избавиться от девства, сойтись с мужчиной, какой придет. Но Гордоксева о подружке позаботилась, отправив к ней дружинника Кудияра. Сама подумай, кому девице лучше отдаться: мужику безродному, случайно к капищу забредшему, или дружиннику славному? Вот Кудияр по просьбе Гордоксевой и пошел. И, видать, хорошо постарался, раз матушка

---

<sup>54</sup> Глуздырь – младенец несмышленфый.

сразу же не только девственности лишилась, но и понесла в одночасье. Только я выходил из нее как-то не так, и мать померла в родах, дав мне жизнь. Я же в тереме Гордоксева остался. Причем Кудияру она долго ничего не сообщала. Ведь... Поговаривали, короче, что не появишься в Смоленске златовласый Эгиль, Гордоксева с Кудияром бы сошлась. А потом, вишь ты как случилось. И она даже к другой его на капище отправила.

– Ты о княжне собирался говорить, – напомнила Ольга. Стемке, похоже, выговориться хотелось, но не это ее интересовало.

– Ну да, – тряхнул длинным чубом Стема. – Мне было четыре лета, когда она родилась, и я помню какой праздник тогда закатил Эгиль. Гордоксева ему до того одних сыновей рожала, дворе выжили, трое померли. А Светорада живучей оказалась. Эгиль уже в ту пору князем Смоленским был, но дочку отнес к тестю и оказал почет местному боярину, позволив дать имя внучке. Отец Гордоксева старый уже был, помирать собирался, но малышке красивое имя дал, сказав перед смертью, что вырастит из нее красавица, какой в Смоленске еще не бывало. Ну вот и носились с ней все, баловали, лелеяли.

В нашей ребячьей ватаге при тереме я всегда заводилой был. Меня слушали все – и княжич Ингельд, который был старше меня, и этот молчун Асмунд – с ним мы одноклассники, и другие ребятки. Ну и мы носились такой веселой ватагой, проказничали, шумели. И княжна вечно увязывалась за нами. Маленькая она была, но уже важничать любила, хотела, чтобы всегда ее верх был. Я обычно старался отделаться от нее, да и другие тоже. Она же, капризная и настойчивая, словно не понимала этого, пыталась командовать, а если выходило не по ее, винила во всем меня и норовила выставить перед старшими в невыгодном свете. Разбили мы крынку со сметаной в молочной – она на меня указывала; ходили ночью на курганы могильные да потоптали подношения – Светорада опять на меня все свалила; угнали, чтобы покататься, с пастбища серого коня Эгиля – она вновь в мою сторону пальцем ткнула. Ох и невзлюбил же я ее тогда! Но чтобы так отомстить мне, чтобы такое сотворить...

– О чем ты? – спросила Ольга, когда Стема неожиданно умолк.

– Неважно. Да только после того случая Эгиль сам меня пороть начал. Мне ведь уже пятнадцать лет исполнилось, спрашивали с меня, как со взрослого. И пороли, как взрослого. Эгиль тогда так разлютовался, что забил бы меня до смерти, не вступись Гордоксева, не повишни на руке у мужа да не вымоли мне пощаду.

Ольга вспомнила, что не раз видела белесые рубцы на спине Стемы, а дружинники даже посмеивались: выпорол, мол, кто-то Стрелка нашего, как простого смерда. Однако Стема обычно только отшучивался. Говорил: у иных из вас рожи так посечены, что мои рубцы украшением показаться могут.

– Я после той порки едва не помер, отлеживался долго, – продолжил парень, подкладывая в костер дрова. – Знахарка, лечившая меня, за мою жизнь опасалась. А когда я все же выдюжил, ясно стало, что у Эгиля мне больше не служить. И тогда княгиня Гордоксева отправила меня к отцу в Киев. С тех пор я в Смоленске не бывал. Даже когда Олег с дружиной туда ездил после полюдья<sup>55</sup>, я всегда находил повод отказаться от поездки. Да и Кудияр мне в том способствовал. Так что, если тебе хочется узнать о Светораде, то у моего отца спроси, а еще лучше – у Олега.

– Да Олег только и говорит, как Киеву сейчас выгоден этот союз. То, что Светорада такая подлая, он не скажет.

– Воистину подлая, как сама Морена злобствующая. Никогда не знаешь, на что она и решиться может.

– А Игорь мой на ней должен будет жениться, – вздохнула Ольга. И тут же и заплакала, да так горько, что Стема опешил.

---

<sup>55</sup> Полюдье – в Древней Руси ежегодный объезд подвластного населения («людей») князьями, боярами-воеводами и их дружинниками для сбора дани.

– Ну может еще не сладится у них.

– Да как же не сладится, если Олегу это сейчас необходимо! – почти выкрикнула Ольга. – Ему войско Эгиля нужно, ему золото Эгиля нужно, а как еще заставить Смоленского князя пойти на сговор, если не сделав его дочь княгиней Киевской? Ведь только тогда Эгиль пойдет с Олегом на уговор.

И она снова заплакала. Стема что-то говорил: дескать, Игорь и сам крут, сможет приструнить зловредную Светораду, а Ольга сквозь всхлипывания все твердила: как он с такой княгиней сможет править, если она на любое зло, на любой обман пойдет? Она и с Ингельдом Игоря может рассорить, а почти половина войска Игоря из людей брата Светорады состоит. Да и отец ее может немало неприятностей Киеву доставить, если дочери что-то не так покажется.

Ольга лила слезы и Стема подсел, приголубил, обнял, и Ольга уже навзрыд заплакала у него на плече. А потом, все еще дрожа от всхлипываний, неожиданно ощутила, как хорошо и спокойно ей в сильных объятиях побратима, почувствовала, как он ласков и заботлив. Нежный, пригожий, веселый... От него словно веяло некой силой, которая успокаивала! Не зря ведь его девки любят.

Отстранившись от парня, Ольга взглянула ему в лицо, и неожиданная мысль возникла в ее голове.

– Сテムшка, а я ведь знаю, как сделать так, чтобы Светорада не могла стать княгиней Киевской. Пусть Эгиль поможет Киеву, пусть даже Игоря со Светорадой женихом и невестой объявят, но потом... Что стоит тебе вновь прикинуться ее приятелем? Чтобы она доверяла тебе, а ты ее...

Стема отшатнулся так резко, словно Ольга его рабом обозвала. Отошел прочь в темноту, но Ольга слышала его бурное и гневное дыхание.

– Да мне лучше с кикиморой лесной лечь, лучше с лешачихой любиться...

Но Ольга неожиданно засмеялась. Потом сделала Стрелку знак приблизиться, усадила рядом, за руку взяла доверительно.

– Смотрю, Стемка Стрелок, ты только так о девках и думаешь. А княжна эта ведь красавица. Однако если бы ее сочли подпорченной невестой... Да погоди ты, не рвись! Я ведь не Светорада коварная, чтобы своего приятеля под беду подводить. А задумала я вот что. Всем ведомо, что женихи вокруг дочери Эгиля стаями ходят, и если...

Тут она даже голос понизила, притянула Сテム и что-то тихо-тихо ему зашептала на ухо, чтобы и сама ночь не услышала, и речной бриз не разнес. Пока наконец не закончила достаточно громко:

– Как все проделать и с кем сговориться, я сама решу. Тебе только подсобить понадобится. Возьмешься?

Стема долго молчал. Смотрел на язычки пламени на прогоревших дровах, хмурил брови. Потом спросил, что же ему делать, если у них и впрямь все сладится. Ведь в любом случае он может оказаться под подозрением.

– А ты уедешь, – убежденно и решительно заявила Ольга. – Я не раз слышала от тебя, что ты хотел бы уйти с викингами за Варяжское море<sup>56</sup>, мир посмотреть да себя показать. Вот после того как справишься с заданием, и уходи к варягам. Я тебе в том пособлю, награжу богато, что любой ярл сочтет почетным такого как ты принять. Ну, а что со Светорадой после всего будет? Да какая нам с тобой разница? Игорь же... Если Игорь не женится на Светораде, он вернется ко мне!

Стема задумчиво запустил руку в волосы, отбросил их со лба.

– Все-то у тебя предусмотрено, государыня-посадница. Но может вся эта затея не стоит и вытертой овчинки?

---

<sup>56</sup> Варяжское – Балтийское море.

– Стоит, Стомушка, уж как стоит! Игорю хорошо со мной. Да и сам Вещий Олег предсказывал, что быть мне княгиней. А где и быть-то, как не подле Игоря? Так что мне бы только разорвать союз со Светорадой. Тогда когда угры уйдут и станет известно, что я беременна, Олег Вещий сам настоит на нашем браке с сыном Рюрика.

– погоди, – перебил ее Стема. – Так ты понесла?.. От Игоря?

– От кого же, как не от него? Вы ведь в Самвате давно знали, что мы с княжичем любовники.

Стема молча смотрел на Ольгу. Он понимал, что любой другой бабе беременность была бы только в радость. Однако Ольга занимала в Киеве особое положение. Слишком особое, чтобы ее беременность при отсутствии мужа не являлась признаком того, что ею пренебрегли. И ему так жалко стало ее. Очевидно, жалость отразилась на его лице, потому что Ольга рассердилась.

– Только не смей меня жалеть! Лучше помоги. Вспомни, сам ведь сказал, что должник мой и не привык долго отдавать долги. Помоги же мне, Стемид!

Он молчал. Догорал костер, сзади тихо плескалась река. Налетел порыв ветра, пахнуло росистой зеленью. Парень зябко поежился, и Ольга, скинув с себя безрукавку, протянула ему.

– Ты думай пока, Стема, а я, пожалуй, пойду. Но на рассвете пришло к тебе человека с конем, чтобы ты мог в Киев уехать. А то, что попросила... Заставить я тебя не могу, но, если поможешь в том, о чем просила, то за мной дело не станет. Уйдешь с варягами, да еще не бедным воином. Мир новый тебе откроется, как избранному.

Она говорила спокойно, но Стема видел, с каким волнением Ольга глядит на него. Гордая Ольга-псковитянка. Она всегда держалась так смело и независимо, что в ней сразу угадывалась особая порода... особая доля. Это еще дружинники в Самвате заметили. А потом, когда пошел слух, будто сам Игорь ее ладой своей сделал, дружинники решили: вот пара, друг другу под стать. Теперь же Ольга дрожит и плачет, покинутая, обесчещенная, но такая верная, надежная.

– Я сделаю, о чем уговорились, – произнес наконец Стема Стрелок. – Попробую хотя бы. Ведь Светорада эта... У меня с ней свои счета остались. Но в одном сознаюсь: ни к кому и никогда я не испытывал такой ненависти, как к дочери Эгиля и Гордоксевы. Может и впрямь пришла пора расквитаться с ней.



## Глава 4

Под вечер дня празднования Матери Сырой Земли<sup>57</sup> на склоне пологого холма у большого капища над рекой собралось немало смоленского люда. В отдаленной роще гулко и монотонно ударяли в било, и звук этот был похож на биение сердца самой подательницы плодородия – Земли. Плыл по воздуху белесый дым от возжигаемых курений, в нем все казалось зыбким и нереальным, торжественным и значительным.

Собравшиеся перед раскрытыми воротами капища ведуны в белоснежных праздничных одеждах пели торжественную песнь, а главный волхв творил священнодействие: раскладывал на плоском белом камне алтаря зерна и травы, лил на них брагу и молоко и, воздев руки к вечернему небу, говорил положенные заклинания.

Княгиня Смоленская Гордоксева стояла по правую руку от мужа Эгиля и следила за действиями служителя. На глаза от волнения набежала невольная слеза, и княгиня тихонько вытерла ее концом белого головного покрывала. Гордоксеву всегда трогало таинство священных действий, она ждала чудес от богов, ждала их милостей. А сегодня обряд проходил особенно торжественно. Волхвы постарались на славу, сошлись со всей округи для праздника, никто не жалел ни вещей сил, ни умения, ибо служителей богов тревожило, что небеса не дарят Матери Земле благодатного дождя, что травень уже вступил в силу, рожь стала подниматься, а небеса сухо взирали на землю, не желая подать ей ни капли влаги, напоить кормилицу всего сущего.

– О великий Дажьбог! – громогласно восклицал верховный служитель. – О Перун могучий и Макошь повелевающая! Примите дары и прислушайтесь к просьбе сердец наших! Дождя мы просим у вас, дождя для Матери Сырой Земли! Дождя и урожая для почитающего вас люда. Отзовитесь на наши моления и пришлите благодать свою!

Голос волхва гремел, ему вторил слитный негромкий ропот людей. Княгиня Гордоксева заломила руки, устремив взор к небесам, к закатному солнцу, к вечерней голубизне неба, такого безоблачного... Уже опасно безоблачному, поскольку все ждали влаги, а дни стояли не по-травневому жаркие и сухие, так что даже могучий Днепр стал отступать и мелеть, обнажая глинистые берега. Весь мир пылал, залитый трепещущим маревом солнца, а облака если и появлялись, то сухой ветер быстро разносил их, и дождь не проливался.

– Дождя пошлите, небожители, – вместе с толпой просила Гордоксева и даже чуть вздрогнула, различив рядом негромкий недовольный голос мужа.

– Долго ли он еще будет болтать, старый сыч?

Эгиль так и не проникся местными верованиями, его к капищу только просьбы жены заставляли прийти. Вот и сейчас он нетерпеливо переминался с ноги на ногу, однако заметив осуждение в глазах Гордоксевой, пояснил:

– Сама понимаешь, что Олег с Игорем уже в Гнездово, ждут меня, а я тут торчу пенем. Ехать мне надо!

– Но ты князь, – с нажимом молвила Гордоксева. – И тебе главную требу отдавать богам!

Эгиль вздохнул и остался стоять. Гордоксева же подавила вздох. Не было в ее муже словно некой духовной связи с обычаями этой земли, не проникся он важности моления к богам. А ведь как князь он обязан совершать священнодействие в великие праздники. Кто стоит между людом и богами, как не князь? Служители только дверь к высшим силам открывают, а просить должен именно правитель. Сколько же уже Гордоксева говорила это супругу. Он вроде и соглашается... но веры как не было, так и нет.

---

<sup>57</sup> День Матери Сырой Земли – 10 мая.

Для нее же нет ничего важнее веры и обычаев, которые дают возможность ощущать себя солью этой земли, слиться с ней. А Эгиль... Она вдруг подумала об уграх и о том, что предложил Олег Вещий. Поход и бой с врагами предложил. Эгиля это даже обрадовало. Но не Гордоксеvu. Хотя вроде должна понимать: князь прежде всего глава войска. В этом его основная сила. Но видимо Гордоксеvu слишком долго жила в мире и благополучии, если перестала понимать, как важна для мужчин война.

От этих мыслей княгиню отвлекло хихиканье за спиной. Оглянулась. Так и есть, ее дети шалят. Хотя какие там дети! Асмунду уже двадцать минуло, Светорада – невеста. Однако, как и у Эгиля, нет у них почтения к священным обрядам. Ишь, затеяли возню! Светорада щипает сидящего в кресле брата, он ловит ее руку, отпихивает локтем. Даже на строгий взгляд матери не сразу отреагировали, пришлось шикнуть на них. Но и потом они продолжали улыбаться.

Посерьезнели дети Гордоксеvu лишь при громких звуках сурмы<sup>58</sup>, возвестившей начало жертвоприношения. По знаку верховного волхва из ворот вынесли белого петуха со связанными ногами, потом вывели огромного белого вола, рога которого были увиты гирляндами цветов, а третьей жертвой был красавец конь – белоснежный, без единой темной отметины. Конь потряхивал головой, гарцевал, но служители поднесли ему блюдо с вымоченным в особом зелье зерном, и он, опустив свою длинную узкую голову, стал есть с него.

По толпе прошел глухой ропот. Коня всем было особенно жаль, кривичи любили добрых коней. Успокаивали себя тем, что хоть не человека кладут на алтарь и не надо тянуть жребий, кому стать жертвой.

Князь Эгиль быстро вышел вперед, отбросил за спину полу длинного корзно, выхватил меч. А Гордоксеvu подумала: торопится. Не о величии момента и важности миссии своей помышляет муж, а о том, чтобы скорее покончить со всем и спешить к киевским князьям.

Верховный волхв стал что-то говорить Эгилю, будто поучая, но князь только отмахнулся. Гордоксеvu слышала, как он сказал:

– Да недосуг мне. Вот уеду – и совершайте положенное моление.

И торопливо, как иной кухарь у печи, зарезал петуха. Потом и с волом справился: зарезал быстро и без малейшей заминки, словно между делом. Взмах – и тяжелая голова животного почти отделилась от туловища, а жертвенный вол рухнул всем телом. Рядом конь продолжал жевать, но, похоже, его возбудил запах крови, он вскинул голову, повел ушами. Князь подошел, что-то зашептал ему на ухо, потом надавил ладонью на голову лошади. Голова коня опустилась и поднялась вроде мягкого кивка. Гордоксеvu перевела дыхание. Добрый знак, если конь согласно кивает. А потом только слабо ахнула, когда белогривый красавец вдруг отпрянул, испугавшись блеска занесенного над ним меча Эгиля. И удар пришелся по косоу. Тут же алая кровь окрасила шерсть коня, он рванулся, пытаясь встать на дыбы. Удерживавшие его волхвы повисли на поводьях, а люди вокруг закричали. Но Эгиль уже сделал шаг вперед и, сильно надавив на рукоять, ввел острие в глотку животного.

Гордоксеvu крепко сжала обереги на груди. Ох, не к добру это... Плохо шла жертва богам, сопротивлялась. И люди вокруг о том заговорили. Однако Эгиль поднял лишь по обряду окровавленный меч, а потом и вовсе пошел прочь, даже не оглядываясь.

Вечером Светорада, взволнованная тем, что отец отбыл на встречу с Киевскими князьями, опять донимала мать расспросами про жениха. Вот княгиня и пообещала, что отпустит княжну на городские заборолы, как только прибудет Олег с женихом Игоре.

Они поднялись на деревянные укрепления заборолов и смотрели сверху, как несколько широких ладей-насад причалили у деревянной пристани Смоленска. Княжна Светорада, выглядывая из-за плеча матери, нетерпеливо отвела от лица разметававшиеся на ветру завитки волос. Уж сколько ни расчесывали ее, сколько ни заплетали в тугую косу, но, легкие и непо-

<sup>58</sup> Сурма – длинная труба, используемая во время ритуалов или же как сигнальная.

корные, они все равно выбивались, окутывая лицо девушки золотистым ореолом, придавая княжне особую игривую прелесть. Стоявший рядом на заборе старый воевода Михолап даже заулыбался, отчего его обычно суровое лицо стало добродушным и простецким, как у какого-то торговца лоточника.

– Что, славница<sup>59</sup>, трепещет-то сердечко, жениха ожидаючи?

Светорада не ответила, лишь быстрая улыбка скользнула по ее ярким губам. Светлые глаза княжны отливали золотым блеском и она внимательно следила, как по сходням на пристань сошел ее отец, потом в светлом плаще важно шагнул тот, кого называли Олегом Вещим. Светорада и ранее не единожды видела князя Олега, посещавшего Смоленск во времена полудня. А вот Игоря встречать никогда не доводилось. Вот и знала о женихе лишь то, что он еще мальцом побывал в Смоленске, когда Олег вез его из Новгорода в Киев, где намеревался захватить власть.

– А где же княжич Игорь? – не утерпела девушка.

– Только не вздумай его в лицо княжичем назвать, – сразу заметила дочери Гордоксева. – Младшим князем зови, а то сердать будет.

Светораде не верилось, что кто-то может на нее сердиться, на такую красивую, приветливую, веселую. Ну, а как ей называть Игоря... Это во многом от него самого будет зависеть. Если глянется ей, может и сразу суженым милым назвать. Девушке было радостно, что родитель ей такого жениха подобрал, как все говорили, красивого, смелого, да еще и преемника власти на Руси. Она верила, что теперь ее ожидает только хорошее, верила в свою Долю и не сомневалась, что любима богами, дающими ей все, что она пожелает.

Михолап указал Светораде:

– Вон он, твой сокол ясный. Видишь, тот, у которого светлая прядь в темных волосах. Его ни с кем не перепутаешь.

Девушка подалась вперед, вцепившись в поручни забора. Видела, как по сходням спускается на пристань высокий стройный воин, одетый, несмотря на жару, в блестящую короткую кольчугу поверх алой рубахи. Ноги его тоже были в алых сапожках византийского кроя, так богато расшитых узорами, что и сюда видно. Темные волосы жениха и впрямь пересекала светлая прядь, зачесанная назад, так как волосы Игоря на варяжский манер были схвачены сзади в косицу.

Светорада довольно улыбнулась: жених ей понравился.

– А вот и наш Ингельд прибыл с Игорем, – раздался рядом счастливый голос Гордоксевой.

Она просто сияла – не так и часто ее старший сын навещался в Смоленск. И сейчас княгиня отметила, как просто держится Ингельд с Игорем, каким мужественным воином смотрится, хотя она и не одобряла эту приобретенную сыном манеру выглядеть степняком: свои золотистые волосы Ингельд сбрасывал, оставляя лишь клочок на макушке, в ушах носил серьги, да и шаровары на нем были широкие, словно женская юбка, удерживаемые у голени переплетенными крест-накрест ремнями. А мечу – прекрасному стальному клинку, какой достался Ингельду от отца Гордоксевой, он предпочел изогнутую хазарскую саблю.

Тут Гордоксева отвлек голос дочери:

– Что это за девица возле моего жениха? Посмотри, родимая, как она запросто держится с Игорем. Да и он... Смотри то и дело улыбается ей!

Уж чего-чего ожидала прекрасная Смоленская княжна, но только не такого, чтобы прибывший сватать ее жених уделял внимание другой.

Михолап уже открыл было рот, чтобы ответить, но отчего-то помедлил, нерешительно оглянувшись на княгиню. И та пояснила:

---

<sup>59</sup> Славница – девушка на выданье.

– Это Ольга-псковитянка, которую Олег когда-то привез Игорю как невесту. Да только Игорь не пожелал сделать ее княгиней, хотя сам Вещий удочерил Ольгу. Ну, а после того как у Ольги с Игорем не сложилось, Олег отдал названной дочери в удел Вышгород на Днепре. Однако девка эта все равно пожелала остаться подле Игоря, не суложью его, так поляницей в дружине, богатыркой, побратимом боевым. А князя на таких не женятся. Так что не думай о ней, Рада моя.

– Но зачем же тогда они привезли ее в Смоленск? – надула губки княжна.

Михолап с княгиней только переглянулись. И впрямь, зачем? Воевода стал рассуждать, что прибыла Ольга в Смоленск, скорее, не с Игорем, а по воле названного отца Олега. Однако Светораду не устроили эти пояснения. Привыкнув считать себя первой красавицей на всем днепровском пути, она придирчиво рассматривала эту Ольгу, выискивая в ней недостатки. Светорада нашла ее излишне высокой, излишне широкоплечей, да и одета не нарядно, а как воин, в куртку дубленой кожи и воинские сапоги до колен.

«Наверное, она пропотела вся под кожами в такую-то жару», – с потаенным злорадством думала княжна. И все же отметила, что и в мужской тяжелой одежде псковитянка выглядит пригожей и ладной. Обшитое бляшками очелье на голове девы-воина смотрится едва ли не как венец, голова на длинной прямой шее вскинута с непередаваемым достоинством, и глядит Ольга вокруг так, словно вся эта шумиха на пристани, все эти спешившие к реке смоляне и выстроенная рядами почетная стража – для того, чтобы приветствовать именно ее, отвергнутую невесту Игоря.

– И чего нос-то дерет? – возмутилась Светорада, тоже высокомерно вскидывая голову. – Ведь все равно не на ней, а на мне собирается жениться Игорь Киевский!

Эта невольно прорвавшаяся ревность княжны позабавила княгиню и старого воеводу. Тот даже хмыкнул в бороду, стал покручивать длинный ус, а княгиня уже увлекла дочь в сторону: не гоже жениху видеть суженную до смотрин. Но тут Светорада указала матери на прибывавших и воскликнула:

– Ой, родимая, смотри, сам твой Кудияр прибыл с князьями!

– Отчего это он мой? – строго оборвала дочь княгиня, но Светорада уже щебетала беспечно.

– Наверное, как всегда, гостинцы мне привез, он умеет угодить. Да и тебя, матушка, не обделит.

И она лукаво глянула на княгиню. Однако Гордоксева только нахмурила темные брови под светлой оборкой шали:

– Тебе и без Кудияра даров хватит. Небось, вено богатое даст за тебя князь Олег, да и Игорь не обидит невесту. Еще и Ингельд одарит младшую сестрицу.

Но Светорада лишь хмыкнула, перебросив на спину тяжелую косу.

– Ингельд! Вот уж радость великая!.. Ввалится, как всегда, в девичью, пошумит, помнет, повалит прялки и светильники, да еще надо мной насмехаться начнет. А как подумаю о речах его хвастливых: дескать, они с Игорем друзья-побратимы неразлучные... В народе говорят: каковы ножны, таков и клинок. Не хотелось бы мне узнать, что и княжич Игорь так же груб, как мой старший брат Ингельд.

В это время жених Смоленской княжны стоял на пристани и разглядывал высокие частокоты города, мощные башни городен<sup>60</sup>. Богат Смоленск, второй город на Днепре! И мощным, неприступным выглядит его детинец на возвышенности.

Игорь невольно покосился на идущего рядом княжича Ингельда. Как же повезло Киеву, что боги не наградили Ингельда властолюбием, дав ему только страсть к воинским походам. Кровь предков викингов бурлила в жилах Ингельда сына Эгиля, но он давно дал понять всем,

---

<sup>60</sup> Городня – срубная мощная башня в ограде стены деревянной крепости.

что не зарится на вотчину отца, предпочитая вольную жизнь, верную дружину да друга-побратима за верховного воеводу. Но Игорь все же спросил Смоленского княжича: не жалко ли ему, что Смоленск по договору за невестой достанется Игорю?

Ингельд только хохотнул, так что звякнули стальные пластины на его кожаной безрукавке да закачались широкие серьги в ушах.

– Что бы я тут делал, сиднем сидючи? – забасил он, подбрасывая и ловя одной рукой тяжелую булаву. – Толкаться с боярами и купцами в гриднице, разбирать их бесконечные жалобы... Б-р-р. Пусть этим мой младший брат Асмунд занимается. Боги сделали его хворым, ему не ведомы радость схватки и азарт боя, так что вот пусть и восседает среди нарочитых мужей, слушать в оба уха, глядеть в оба глаза. Я же... Да я бы зачах от такой жизни!

Игорь засмеялся. Он был доволен, что у него такой друг-побратим. Сильный, как степной тур, кровожадный, как волк, дерзкий, как сокол в полете. И преданный, как пес. Про пса Игорь никогда не заикнулся бы вслух, скрывая некоторую жалость к Ингельду, не осознающего подлинной силы власти и предпочитающего жить под чужой командой. Поэтому и задания Игорь старался давать Ингельду подходящие его натуре: сборы войска, походы в степи, набег, взятие дани с непокорных племен. И старшего сына смоленского князя эта жизнь полностью устраивала.

Тем временем к пристани подвели крытых богатыми чепраками коней, и гости, поднявшись в седло, под приветственные крики толпы двинулись в город. Игорь чувствовал на себе множество любопытных взглядов и надменно подбоченился.

На самом деле Игорь больше смотрел по сторонам. Смоленск отличался от Киева. Более скученный, почти как Новгород, более темный из-за окружавших его хвойных лесов, но не менее богатый – это было видно сразу. Игорь обратил внимание на земляные валы, окружающие город. Матерь честная, сколько же людей понадобилось, чтобы выполнить такие земляные работы! Князья въехали за ограду под мощной надвратной башней, возвышавшейся над оставленным проходом. Здесь процессию ожидали местные волхвы в парадных белых одеяниях. Волхвы курили священные травы, отгоняя от прибывших недобрые чары, пели заклинания, воздевали к небу руки, благословляя. Игорь мельком взглянул на Олега. Во всей Руси Олег Вещий считался первым кудесником, наделенным мощной чародейской силой, но Игорь не помнил, чтобы его опекун когда-нибудь проявлял ее. Разве только в последнее время он все реже обращался за советом к чародеям-волхвам и почти перестал посещать капища, откупаясь положенными требами и все решая самостоятельно, не прибегая к ворожбе.

Здесь же, в Смоленске, волхвы были в силе. Игорь видел, как сдерживает коня, выслушивая кудесников, Эгиль Золото, да и позже, в знаменитой Золотой Гриднице княжеского терема, первое слово дали волхвам, которые тут же стали вести речи о положенных требах, чтобы испросить у богов благословения предстоявшего брачного союза.

Игорь устал их слушать, сидел, разглядывая позолоченную резьбу обширной гридницы. Богатый же будет у него тесть! Игорь это понял еще в Гнездово, где Эгиль, не возражая, согласился сам заплатить наемникам перед предстоящим походом. Он не глуп, этот потомок северян из-за моря, и понимает, что, если угры захватят Киев, он не только потеряет власть над днепровским путем, но и приобретет коварных соседей, набег которых долго придется отбивать.

Однако, как отметил Игорь, Эгиль Золото явно не справлялся с местными волхвами. Ух, как же они утомляли! А вот Олег Вещий с ними справился легко: просто поднялся в какой-то миг с кресла, поклонился волхвам и указал им на дверь. Дескать дело волохов с небом и землей общаться и понимать их, а сейчас тут будут говорить воины.

Игорь еле сдержал смех, видя какие озадаченные лица стали у служителей, когда они отступали к выходу. При этом поглядывали на своего князя, который словно и не заметил произошедшего, а просто поглаживал голову подошедшей к нему собаки. Только когда Олег раз-

вернул на столе свиток телячьей кожи, на котором красками была нарисована карта днепровского пути, Эгиль придвинулся.

– Гляди сюда, Эгиль, – начал Олег и стал пояснять, где под Киевом расположились станом угры, откуда прибывают, как пролегает их путь и что стоит предпринять, чтобы это прекратить.

Игорь уже обговаривал все это с Олегом, а сейчас во все должен был вникнуть его будущий тесть. А Игорь даже заскучал. Откинув голову на спинку кресла он смотреть верх, на позолоченную роспись столбов гридницы. Там завивались травы и раскрывались крылья диковинных птиц, вились волны и плыли резные корабли под парусами. Как же красиво они сверкали при падавших сверху лучах солнца!

Столь богатой и просторной палаты молодому князю никогда ранее не приходилось видеть. В Киеве в детинце все было грубее и проще, не так величаво и богато, но надежно и укреплено. Тут же явно постарались, чтобы детинец стал не только крепостью, но и домом, в котором хочется жить. Игорь подумал, что однажды и у него будет такое же богатое жилище. И там Ольга...

Он даже растерялся, поняв, что в его мыслях и дальше с ним будет Ольга, а не какая-то другая. А ведь если это будет Смоленская княжна... то позволительны ли ему будут бывшие игры с Ольгой? И ощутил раздражение на эту незнакомую ему дочь Эгиля Золото.

Но тут его отвлек голос Олега.

– Игорь! Думаю будет совсем неплохо если именно ты поведаешь будущему тестю наши планы.

Олег явно желал предоставить сыну Рюрика показать себя перед смоленским князем. А их планы... Они не единожды спорили с Вещим, каковы эти планы. Игорь вообще не больно понимал, как можно заранее обсуждать то, что еще не случилось. Вот когда начнут, тогда и станет ясно, как поступать. И сейчас, не чувствуя настаивающего голоса Олега, он стал говорить, как поступить без всяких наставлений. Во первых стоит собрать силы в кулак и налететь на угров со всей мощью! И чем больше их положат, тем лучше. Пусть эти степняки знают, что несладко им придется на берегах Днепра! А им поможет сам Перун великий, ибо иначе и быть не может. Не для того же растит славных витязей эта земля, чтобы тут хозяйничали пришлые. И путь они убираются, а иначе...

Игорь продолжал говорить о славных победах, но в какой-то миг запнулся, заметив каким отстраненным, даже скучающим стало лицо Эгиля. А там он и совсем отвернулся, вновь гладил свою собаку. Да еще и сын Асмунд вон чему-то усмехается. Чего ржет этот хворый, если ему в предстоящих победах по любому ничего не светит?

И только верный Ингельд поддержал:

– Правильно, Игорь! Веди нас в сечу, а уж как мы покажем себя!..

– Послушай, Эгиль, – обратился к князю Олег, даже привстал. – Ты сам должен помнить, как молодые мечтают о славе и победах вопреки всему. И как они вспыхивают от громких возгласов, не думая о последствиях. Мы сами с тобой когда-то были такими же.

– Были. Но если мы чего и достигли, то потому что думали, а не только рвались места в карьер.

Игорь совсем растерялся, но, заметив как Олег делает ему жест сесть, послушно опустился на прежнее место. Это потом он подумает, почему был таким покорным, сейчас же уяснил: лучше предоставить слово старшему и опытному князю.

– Гляди сюда, Эгиль, – начал Олег, вновь склоняясь над картой. – Изначально мы соберем в заводях под Гнездово могучий флот, а когда все будет готово для выступления, двинемся по течению Днепра так быстро, как только сможем. Угры стоят у Киева под горой, где могильный курган Аскольда. Это место уже даже прозвали Угорским. Но нападать на них мы сразу не станем.

Олег оглядел всех собравшимся своими хищными зелеными глазами, ожидая их реакции. Но все молчали, хотя и слушали каждое слово.

И Вещий продолжил. Сказал, что они скроют свой флот, подойдя к Угорскому в обход Тархан-острова, воспользовавшись протокой Черторый. Олег сам так напал на Киев шестнадцать лет назад, и знает, как важно неожиданное появление сильного войска.

– Но в бой сразу рваться мы не станем, – продолжал Олег, с высоты своего немалого роста внимательно поглядывая на воевод и словно подавляя их своим величием и мощью. Между бровями князя резче обозначилась глубокая складка, в голосе чувствовался металл, и было ясно, что он уже принял решение и не признает других доводов. Потому и говорил с нажимом, убеждая. – Дело с уграми мы начнем с переговоров. Ибо когда такое множество воинов окажется подле мирного Киева да схлестнется в бою, – сеча может повредить всей округе и самому городу. Зачем же правителям гробить свою землю? И наша же цель подавить угорских ханов, не проливая крови. Я общался с ними, вот и отмечу, что они неглупы, поймут, что в своих владениях мы сильнее. Так что им выгодно будет пойти на переговоры и выслушать наши условия. Вот тут мы и предложим им откупную, чтобы двигались дальше на закат солнца и не возвращались. Ведь изначально это и входило в их планы.

Когда он закончил, все молчали. А Игорь даже приуныл: ну вот, переговоры, переговорами, а слава воинская как же?

Но тут прозвучал голос Эгиля:

– А ты уверен, Олег, что стоит откупиться при нашей-то силе?

Вот! Вот это и правильно! Игорь едва не подскочил, даже кулаком по столешнице хлопнул. Ай да Эгиль Золото! И пусть он живет в роскошных покоях, но дух отчаянного викинга в нем остался.

Однако Олег ответил холодно и непреклонно:

– Это не тот случай, когда следует думать о мошне. Ибо, пожалев сейчас золота, можем потерять куда больше. Ибо война с кочующими из степей уграми может продлиться долгие годы и привести к разорению киевской земли. Сейчас мы еще можем договориться, но если упустим момент, если угорские ханы успеют объединиться, то мы уже не сможем диктовать свои условия. Другое дело, если находящиеся под Киевом ханы, завидев нашу мощь и узнав, что отход им оплатят, примут предложенные условия. Ну и там и прибывшие новые степняки, узнав, что их предводители уже отбыли, скорее всего, предпочтут поступить так же. Ну а там я бы хотел, чтобы когда дела решатся и мы уберем урожай, то уже к серпню<sup>61</sup> мы смогли сыграть свадьбу Игоря и Светорады. Киеву уже давно нужна княгиня.

Теперь все посмотрели на Игоря, и он даже растерялся. Что тут говорить? А есть ли у него выбор? Не скажешь ведь, что еще не нагулялся и хочет пожить вольным, а весь этот сговор только для того и затеян, чтобы прельстить Эгиля высоким положением для его единственной дочери. Да и почему бы Игорю и впрямь не жениться, если дева так хороша, как о ней все рассказывают? И он только подбоченился, заявив, что не зря же приехал свататься. И подмигнул своему приятелю Ингельду. Мол, породнимся, друже. А там и хворому Асмунду подмигнул. Не помешает и его расположением заручиться.

Князь Эгиль задумчиво поглаживал золотистую бородку.

– Сдается мне, что, и отделившись от угров, мы не будем знать покоя от набегов из степи. Степь всегда воинственная и от нее жать беды. Помнится мне, еще Аскольд бился со степняками, а они все идут и идут.

По лицу Олега мелькнула тень недовольства. Он всегда ощущал досаду, когда при нем хвалили погубленного им предшественника. И князь заговорил о другом:

---

<sup>61</sup> Серпень – август.

– Не стоит думать о том, что еще грянет. Наша главная задача – угры. А остальное... Я знаю одно: только разумных и смелых любят небожители, посылая милости.

– Но если мы все решаем сами, – подался вдруг вперед Асмунд, – за что такой почет небожителям?

На него поглядели странно. Пострадавшему по воле богов юноше не следовало отрицать их силу. И чтобы отвлечь князей и воевод от неразумного высказывания младшего сына, Эгиль заговорил о том, что сейчас было более насущным: о брачном договоре между Игорем и Светорадой.

Конечно, подобные сговоры всегда сопутствуют обручению, особенно если речь идет о сватовстве детей знатных родов. И Игорь внимательно слушал о том, что весь Днепр от Киева и Смоленска отныне будет принадлежать ему, кроме уделов, оставленных Эгилем старшему сыну Ингельду. В самом Смоленске власть по-прежнему будет за Эгилем и Гордоксевой до конца их дней, и только после их кончины княгиней тут станет Светорада. Именно она будет решать судьбу отцовского наследства, и если она будет согласна с распоряжениями мужа, то велит подчиняться и своему городу. Но та же Светорада имеет право не передавать его наказы, если увидит в чем-то ущемление выгод вольного Смоленска, позволив смолянам поступать по-своему. Это было очень выгодно городу, особенно если учесть, что советником сестры и правящим посадником тут останется мудрый Асмунд.

Далее обговаривалось, что после смерти Игоря и Светорады оба города достанутся их детям, и только если этот брак будет бесплодным, смоленские земли перейдут к детям Ингельда. Если же и брак Ингельда («А Ингельд-то и не помышляет пока о женитьбе», – подумал Игорь) окажется бесплодным, то права на Смоленск достанутся выборной градской общине, которая станет решать местные дела, но с учетом, что это не пойдет во вред стольному Киеву. А еще обговаривалось, что если Игорь умрет раньше своей жены Светорады, то она вольна вступать в новый брак, но только одобренный Киевом. И тогда здесь останутся править ее дети.

Про увечного Асмуна и его потомков не говорилось ни слова. Все понимали, что младший хворый сын Эгиля Золото долго не протянет.

Игорь с невольной жалостью взглянул на Асмунда. Тому уже миновало двадцать, но выглядел он совсем отроком. Лицо гладкое, тело тонкое, плечи узкие, а свисающие с подлокотника кресла кисти рук никак не напоминали руки воина, державшие меч и весло. Даже гладкие русые волосы, красиво схваченные вокруг чела золоченым обручем, придавали облику Асмунда нечто девичье. Зато в синих, как у отца, глазах светились ум и сила, несколько неожиданная для увечного. Олег еще раньше говорил Игорю, что Асмунд не по годам умен и Эгиль в делах правления имеет обыкновение советоваться с младшим сыном, но Игорю это было все равно. Пусть Эгиль готовит своего сына калеку в посадники, сильному Игорю такой в Смоленске будет даже кстати.

Но тут Асмунд неожиданно задал вопрос, поразивший всех:

– Почему в договоре ничего не сказано о судьбе Смоленска, если брак Игоря со Светорадой по какой-то причине не состоится?

Все посмотрели на юношу, потом стали переглядываться. Игорю даже показалось, что в глазах Олега мелькнуло неожиданное веселье. Но лишь на миг. И это озадачило Игоря.

– Как так не состоится? – спросил кто-то из смоленских бояр. – Волхвы предрекли удачу союзу стольного Киева с вольным Смоленском.

Другой же сказал:

– Если не состоится, то нет и никакого договора.

– Нет, не так, – подал голос Олег, откидываясь на спинку кресла. При этом он смотрел только на Асмунда. – Если брак не состоится, то мы обговорим все и решим, по чьей вине



был нарушен договор. Если он будет расторгнут по воле Игоря, то Смоленск выйдет из-под его руки и Игорь вернет все, что было выдано нами воинам, идущим на угров.

При этих словах Игорь встрепенулся. Вон как легко Олег готов лишить его да и сам Киев всех выгод союза. И он запальчиво спросил:

– А что ожидает Киев, если расторгнуть брачный договор придет на ум Светораде или ее родне?

Сказав эти слова, он даже покраснел, словно устыдившись такой возможности, когда кто-то пожелает отказать ему, русскому князю! И дерзко добавил:

– Ведь одним из условий для будущей великой княгини является ее непорочность, чистота. Что, если красавица Светорада окажется не так чиста, как мне обещано?

Повисла тишина, многие стали отводить глаза, а Эгиль Золото побагровел.

– Моя дочь чиста и непорочна, – молвил он, и все заметили, как он с силой сжал резные фигурки соколов на подлокотниках кресла. – Я чту свой род и блюду честь Светорады. Однако я понимаю, как важно Игорю быть уверенным, что ему достанется чистая дева, которая понесет от него сыновей рода Рюрика. Потому и отвечу: если в уговоре будет что-то позорное для Игоря, если Светорада окажется нечиста или ее своеволие станет на пути брачного договора, – тогда со временем она сама передаст правление городом Игорю. Однако готов и поклясться собственной кровью, что знаю свою дочь и, хотя Светорада и производит впечатление чуть ли не мавки<sup>62</sup> игривой, я убежден – в ней наша с Гордоксевой закваска!

Это было больше благородное, нежели разумное решение. Поэтому Асмунд резко повернулся к отцу, будто желая его остановить. Но не решился. Он был лишь княжичем, не смеющим перечить воле родителя. Однако и потом он сидел хмурый и озабоченный, не принимая участия в обсуждении предстоявшего похода.

Игорь же, когда речь коснулась воинских дел, наоборот, оживился. Глаза его загорелись, на щеках проступил румянец, он стал переговариваться с воеводами, потом выяснять, сколько воинства будет под его рукой. Но тут его ждало разочарование.

– Ты не выступишь в поход, Игорь, – подошел и положил руку на плечо воспитанника Олег. – Возглавлять дружину будем мы с Эгилем, чтобы все видели равные силы киевской рати и смоленской. Ты же останешься тут. Негоже тебе покидать суженую сразу после уговора. Да и с Асмундом следует сойтись поближе, чтобы знал своего посадника. К тому же за тобой останется военная охрана Смоленска. Наш поход не грозит жаркими битвами, однако многое может случиться, и мне надо, чтобы в Смоленске был опытный в ратном деле муж, имеющий права на город, каковым является жених княжны. Мы ведь так уговорились, Эгиль?

Тот согласно кивнул. Но он видел, как помрачнело лицо молодого князя, понимал, как ему горько лишиться славы и возможности проявить себя. Поэтому и сказал миролюбиво:

– Я доверяю тебе и твоей чести, Игорь, самое дорогое, что у меня есть. Я отдаю тебе свою семью и свою вотчину. Поверь, это стоит того, чтобы один раз отказаться от участия в походе, в котором мы будем не столько воевать, сколько судить и рядить. К тому же, – улыбнулся Эгиль своей обаятельной лучистой улыбкой, – думаю, после того как ты познакомишься со Светорадой, тебе и самому не захочется уезжать от нее. И на сегодняшнем пиру ты поймешь, что есть в моей дочери такого, отчего люди любят и чтут ее.

«Совсем они тут помешались на этой княжне, – раздраженно подумал Игорь, наблюдая за сиянием золотых бликов на резных стропилах терема. – Подумаешь, Светорада! Да разве есть на земле хоть одна девка, которая стояла бы того, чтобы ради нее забывать о своем высоком уделе воина?»

И неожиданно на ум ему пришла Ольга. Но он отогнал мысль о ней. Ладно, Светорада так Светорада. Поглядим, что она за чудо такое, раз все вокруг только и твердят о ней.

---

<sup>62</sup> Мавка – в славянской мифологии лесной дух в виде юной веселой девушки.

## Глава 5

Пока именитые мужи совещались, приготовления к предстоявшему пиру шли своим чередом. Было решено, что пир и прилюдный уговор Игоря с княжной Светорадой произойдут на мощеном дворе детинца, так как даже знаменитая Золотая Гридница Эгиля не в состоянии была вместить всех приглашенных на обручение.

Среди хозяйских построек детинца царило оживление: катили бочки с вином и медом, несли чаны с пивом, выставляли из подпола кувшины с квасом; из кладовых выносили копченые и соленые туши, кадки с рыбой, несли на шестах связки колбас. Вовсю дымили гигантские печи, где коптили, пекли и жарили мясо, птицу, рыбу. Кухари варили сытные каши, заправляя щедро салом или пышно сбитым маслом, а то и медом – по вкусу и разумению.

Гордоксева сама следила за приготовлениями. Ее окружали тиуны, выслушивали распоряжения и тут же торопились куда-то, а к княгине уже спешили кухарки, спрашивали совета. Княгиня самолично наблюдала, как на вертелах поворачивают туши быков и овец, приказывала лить на них побольше жира, пробовала, как настоялся мед, достаточно ли затвердели круги сыра. К предстоящему пиру готовились еще загодя, но княгине надо было проследить, чтобы в последний момент ничего не испортили, чтобы все было сделано как надо.

В теплом воздухе клубилась пыль, поднятая челядинцами, подметавшими перед теремом просторный двор.

– Пусть установят на козы самые длинные столешницы, – приказывала Гордоксева, окидывая все вокруг властным взглядом, точно воевода, оценивающий поле предстоящего сражения. – Они должны стоять от теремного крыльца до самых ворот. Когда еще столько народу соберется в Смоленске! И надо, чтобы каждому досталось место, достойное его положения и чести.

Непростое это было дело, если учесть, что на обручение Игоря и Светорады съехалось много гостей, боярских глав, воевод, старшин окрестных племен, и еще немало ярлов варяжских дружин, чья гордость не уступала заносчивости смоленским именитым мужам.

Легкое головное покрывало княгини-хозяйки сползло ей на плечи, время от времени она вытирала запястьем лоб под посеребренным обручем, засучив рукава, показывала, как надо тонко резать жесткое вяленое мясо. В хлопотах не сразу заметила, что к ней приблизился Ингельд, и, только когда тот выхватил из-под ее руки ломтик красного вяленого мяса, резко оглянувшись, желая обругать наглеца, да невольно ахнула, а потом приглубила сына, обняв и склонив к себе на плечо его большую бритую голову с длинной светлой прядью волос.

– Поет мое сердце при виде тебя, сын, да только не могу много времени тебе сейчас уделить. Сам видишь, сколько надо успеть сделать, чтобы никто потом не говорил, что мы плохо Светораду прогуляли.

– А сама-то она где? – жуя мясо, спросил Ингельд. – Когда это такое было, чтобы моя неугомонная сестренка носа повсюду не совала? Или заперли от чужих глаз славницу-то?

– Ее до самых смотрин-сговора не будет, – объяснила княгиня. – И ты не ошибся, говоря о чужих глазах. Подобной свадьбы давно на Днепре не было, так что лучше поостеречься, чтобы никто не сглазил Светораду.

И она шлепнула сына по мозолистой руке, когда тот, улучив момент, хотел отщипнуть румяную корочку от только что вынутого из печи пирога.

– Ну уж, матушка! – забасил Ингельд. – Еще немного, и вы меня, точно маленького, бранить начнете.

Гордоксева подняла лицо к сыну, ласково провела ладонью по его покрытой светлой щетиной щеке.

– Маленького... Скажешь еще. По мне, Ингельдушка, так ты прямо как разбойник хазарин выглядишь, а не как дитя, которого я в муках на свет родила. Вот куда я тебя сейчас направлю, так это в баню. Иди, она сейчас как раз хорошо разогрелась, венички дубовые в кадке с квасом мокры. Перед сговором-обручением сестрицы ты, сын мой, должен, как положено, смыть с себя всю грязь и всю кровь, чтобы никакой Кровник<sup>63</sup> за тобой не маячил. Я скажу девкам, пусть разглядят для тебя достойный наряд, чтобы ты княжичем смотрелся на пиру, а не степняком диким.

– А кто меня в баньке попарит? – оглянулся Ингельд на теремных девок, ожидавших неподалеку распоряжений. – Уж не та ли рыженькая? Ха, да это же Потвора! Ишь, какой стала. Загляденье. Не похлещешь ли меня веничком, красна девица?

Девушка только засмеялась, закрываясь вышитым рукавом, а княгиня опять шлепнула сына, на этот раз по бритому затылку. Со стороны такое подтрунивание матери над воинственным княжичем выглядело не оскорбительно, а даже по-домашнему мило. Особенно когда Ингельд, хохоча, стал обнимать княгиню – огромный, загорелый, диковатого вида, но бесшабашно веселый. Однако как ни хотелось Гордоксеве еще пообщаться со старшим сыном, ее ждали дела. Хотела уйти, но тут заметила подходившего Кудияра. Нахмурилась было, однако сразу заставила себя улыбнуться.

Когда-то она давала надежду этому дружиннику, но когда то было! И все же и теперь Гордоксева испытывала некоторую вину перед бывшим женихом. Неприятное чувство для княгини. И она, вытирая руки передником, просто сказала ему при встрече:

– Я всегда тебе рада, хоробр, но и ты меня пойми: дочку будем сговаривать. А дел невпроворот.

– Понимаю, княгиня. И не отвлек бы тебя, если бы... Но... Как быть мне, не ведаю.

Этот матерый сильный муж сейчас и впрямь выглядел каким-то растерянным и княгиня замешкалась, смотрела пытливо. И воевода тихо сказал:

– Со Стемидом я приехал. Здесь он, в Смоленске.

Гордоксева только заморгала, глядя на Кудияра, а когда рядом возник тиун с каким-то очередным вопросом, даже отмахнулась досадливо. Да что же это они без нее ничего решить не могут!

Она увлекла Кудияра под тень растущих у ворот елей.

– Совсем боги помutilи твой разум, Кудияр! Я ведь строго-настрого приказывала, чтоб ни под каким видом парень не возвращался в Смоленск!

Кудияр опустил голову, его сильные руки теребили затейливую пряжку на поясе.

– Ты не бранись, сударыня княгиня, а выслушай сперва. Я-то наказ твой не забыл, однако перед отъездом вызвал меня к себе Олег Вещий и властно приказал, чтобы парень непременно ехал с дружиной в Смоленск.

На побледневшем лице Гордоксевой появилась растерянность. Глядела на Кудияра, словно не видя его, и ее золотистые глаза потемнели от напряжения. Задумавшись, она не заметила, какое тоскливое выражение мелькнуло на суровом лице бывшего жениха. Словно зарница полыхнула. Ведь Кудияр был однолюбом, после отказа Гордоксевой с другими бабами не сходилась, хозяйку в дом не привел и даже о матери Стемы никогда не заговаривал. И вот перед ним его единственная лада стоит – статная, величавая, с годами не утратившая привлекательности, разве что живость и непосредственность юности сменились в ней властным достоинством.

– Мысли Вещего мне мудрено осилить, – вымолвила наконец Гордоксева. – А вот то, что мужа моего приезд Стемы не обрадует... тут и к волхвам ходить не надо. И пусть с той поры, как он едва не казнил Стемида твоего и прошло несколько лет, я знаю – не простил

---

<sup>63</sup> Кровник – темный дух зла и мучения.

опозорившего его парня Эгиль Золото. Я же... Пойми, только памятуя, чей сын Стема, я и выпросила для него тогда помилование. Однако... Ты уж не взыщи, Кудияр, но и я не жажду своего прежнего воспитанника тут видеть.

– Да скажи хотя бы, что натворил тогда Стемид! – хлопнул себя по бокам обычно невозмутимый воевода. – Не из праздного любопытства спрашиваю. Как-никак, сын мне Стемка. Должен же я понять, от чего его предостеречь, когда один князь приказывает изгнать его, а другой так же твердо велит привезти в Смоленск. Как говорят у нас в Киеве – оказался парень между молотом и наковальней. Тревожно мне.

– И мне тревожно, – кивнула княгиня. Оглянувшись на двор, где шла подготовка к пиру и где сейчас так требовался ее хозяйский глаз, но даже интереса прежнего не возникло. И, взяв Кудияра за широкий рукав рубахи, она потянула его за ближайшие строения, желая поговорить о тайном так, чтобы никто не отвлек.

За бревенчатой стеной ближайшего сруба княгиня опустилась на завалинку, поправила сползшее на плечи покрывало.

– Сам, небось, знаешь, каков у тебя Стемка. Дерзок, шустр, самолюбив. Ты рассказывал, что ни время, ни служба в дружине Игоря его не изменили. Но я-то понимаю, что не только боги таким норовом Стему наделили. В его нраве своевольном есть и наша с Эгилем вина. Да, некогда любили мы сына твоего, Кудияр, к роду своему приблизили, за один стол с собственными детьми сажали. Жилось ему в Смоленске вольготно и безбедно. А так как парень еще и пригожим уродился, то все его любили, а у баб и девок местных он особым вниманием пользовался. Помнится, ему только тринадцать годочков стукнуло, а я его, распутника, уже из девичьей по ночам выгоняла.

– Да не томи душу, Гордоксева! Каков собой Стема, я и без тебя знаю.

– Знаешь ли? А вот послушай меня. Светораде тогда одиннадцать годочков было, когда Стема твой запер ее в конюшне да хотел насильничать.

Кудияр промолчал, только в глазах его мелькнул испуг. Не гнев, не возмущение выходкой сына, а именно испуг. Ибо он понял, от чего тогда спасла Стему Гордоксева, вырвав кнут из руки разъяренного Эгиля, а потом отправив воспитанника к отцу в Киев. С наказом никогда не возвращаться в Смоленск...

А Гордоксева продолжала негромко:

– Не подумал тогда о малолетстве княжны сын твой. Подмял под себя, разорвал на ней рубаху. Но Светорада такой крик подняла, что конюхи выломали дверь и успели поймать Стему, когда он уже в окошко выскакивал.

– Да не мог Стема такого бесчестья вам желать!.. – застонал Кудияр. – Ведь он и о тебе, и о князе Эгиле всегда только уважительно отзывался.

– Ну уж как хочешь, так и понимай. А я бы никогда напраслину на сына подруги не навела. Да и тогда я не сразу поверила, пока не увидела дитя свое, растерзанное, заплаканное, пока не выслушала признания дочери. Говорю тебе, у княжны тогда только первое женское появляться стало, а Стеме уже пятнадцать было, сильный, здоровый уродился. А Светорада... Она ведь души в Стеме не чаяла. Вот он, видимо, и решил, что и княжна Смоленская про него. А Светораде только одиннадцать тогда минуло...

В голосе Гордоксевы появились печальные нотки. Кудияр молчал. Что ж, любая мать затаила бы зло, а Гордоксева еще и спасла Стему. Но вряд ли забыла старую обиду, и тем более не мог забыть ее отец Светорада.

– Стема мой сын, – негромко проговорил Кудияр. – Я принял его, я успел сердцем к нему прикипеть. И я буду защищать его... Даже перед тобой и Эгилем!

Со стороны кухонь повеяло чем-то подгоревшим. Гордоксева оглянувшись, словно только теперь вспомнив, где ей следует быть. Но перед уходом она спросила, где сейчас сын Кудияра.

– Я велел ему пока не сходить с корабля, ждать наказа от меня.

Гордоксева понимающе кивнула, поправила на голове складки покрывала.

– Вот и пусть пока в стороне держится. Ни мужу, ни дочери о его появлении я говорить не стану.

– Но Олег приказал ему вечером в терем явиться, – заметил Кудияр.

Гордоксева смотрела на него с непониманием, потом протяжно вздохнула.

– Мудрено разгадать помыслы Вещего. Что ж... Если он велел, пусть Стема приходит. Но учти, Кудияр, я его в самый дальний конец столов посажу, среди уных и детских<sup>64</sup>. Чести для твоего сына в том немного, да только, если Эгиль и дочь моя его там не заметят, может, и обойдется все.

На том и порешили.

Солнце еще клонилось к лесистым берегам за Днепром, а пир во дворе смоленского детинца уже шел полным ходом. На столы выставлялись большие подносы с зажаренными кабанами, гусями, дичью, ставили блюда, полные медвежатины, оленины, нежно золотившегося среди зелени мяса молочных поросят. По кругу ходили чаши и кубки, раздавались звуки музыки – мелодичное наигрывание рожков и сопилок, переливы гусельных струн, звон посеребренных бубенцов, удары бубнов.

Князья и самые знатные гости Эгиля восседали на галерее терема, глядя на тянувшиеся вдоль всего двора столы, слушали пение певца-гуслира.

Молодой князь Игорь, отодвинул от себя блюдо дичины, испеченной с яблоками. Он уже так насытился, что даже хмель не брал. Но время, когда положено напиваться, еще не пришло, пока все шло чинно: говорили здравницы за князей, поминали богов, восхваляли весь собравшийся честной люд. Все должны были понимать, что это не просто пир-братчина равных, а празднование уговора, заключенного между Киевом и Смоленском, объединения сил Днепровской Руси. Однако Игорь еще не видел невесту. Зато сидевший по правую руку от него княжич Ингельд указал молодому князю на тех женихов сестры, учтиво приглашенных на пир, хотя ранее им и было отказано в руке княжны.

– Видишь круглолицего хазарина, который глядит в свой кубок, словно желая увидеть там предсказание своей судьбы? Вот тот, с холеными усиками, как принято у хазар. Так вот, это и есть шад Овадия, сын самого кагана Муниша. На днях он уже отбудет, а пока зван на пир как дорогой гость. Я бы дал ему по шапке да прочь прогнал, отродье хазарское. Но нельзя. Отец даже дарами богатыми его одарил, чтобы не затаил обиды царевич и дальше поддерживал мир с подвластными Смоленску землями. А теперь, друже Игорь, взгляни на ромея в блестящей нарядке со сверкающей брошью на груди. Этот ведь тоже в женихах числился.

– Да ведь он стар уже! – засмеялся Игорь. – У нас говорят: седина в бороде...

– Бес в ребро, – засмеялся Ингельд. – Однако где ты видел у него бороду, Игорь? Бреемся ромей, как у них в Царьграде принято. Но слышал я от брата Асмунда: мол, не явись ты, может, и сосватали бы за него сестрицу мою. А теперь погляди на витязя, что сидит подле твоей Ольги. Это Гуннар Хмурый. И как по мне, не посватай ты Светораду, вот бы был для нее славный муж, как по мне!

Ингельд еще что-то говорил о варяге, но Игорь сейчас думал лишь о том, что Ольга подле варяга Гуннара не сводит с него взгляда. Да и он к ней склонился, слушает, что девица ему говорит. И это разозлило Игоря. Хотя что он мог? Да и о палянице своей ему теперь думать надо, а о невесте. Вот он и спросил, даже резче, чем сам хотел:

– Сестра-то твоя где, Ингельд? Ты мне женихов ее все показываешь, а сама она прячется, словно чья-то жена беспутная.

---

<sup>64</sup> Уные – младшие дружинники; детские – осиротевшие дети воинов, воспитывающиеся в дружине.

От его гневных слов брат княжны опешил, смотрел на Игоря, слова не мог сказать. Но его резкие слова услышал сидевших подле Ингельда Асмунд.

– Светорада от тебя, Игорь Киевский, никуда не денется, – молвил младший княжич. – Однако отмечу: ни один из достойных женихов Светорады не смел грубое о ней сказать, уважая ее честь и честь князя Эгиля.

– Знать, не столь и достойные они, раз всем от ворот поворот указан, – сверкнул зубами Игорь. – А мне вот перед Эгилем заискивать нет нужды. Я сам ему честь оказываю, решив с ним породниться.

Еще что-то обидное хотел бросить Игорь, но осекся, заметив внимательный взгляд Олега.

– Ты бы на хмельное меньше налегал, – заметил Вещий.

И вроде негромко сказал, но у Игоря даже мурашки пошли по спине. Олег всегда умел его ставить на место. И хотя сын Рюрика с детства привык повиноваться, иногда он князя просто побаивался. Ибо знал: Олег способен на что угодно.

Вот он и отвернулся, смотрел на потешавших гостей во дворе скоморохов.

На дворе уже смеркалось, и по указу Эгиля слуги зажгли установленные на шестах огромные смоляные бочки. При огнях убранство двора и веселящаяся толпа гостей выглядели особенно празднично. Выступающие на пространстве между столами скоморохи в пестрых нарядах со множеством бубенцов – прыгающие, поющие, пляшущие, представляли живое и яркое зрелище. Они говорили прибаутки, от которых гости так и покатывались со смеху. Засмеялся даже обычно спокойный и молчаливый Асмунд, даже толкнул брата Ингельда локтем в бок.

– Смотри, что вытворяют, Ингельдушка. Догадаешься ли?

Ингельд взглянул и расхохотался. Игорь тоже посмотрел с интересом. Один из скоморохов, в пестром сарафане, с ярко размалеванным лицом и выкрашенными в желтое мочальными косами, выступил вперед и, подбоченясь, стал ходить перед остальными скоморохами, которые падали ему под ноги.

Одетый в сарафан скоморох тоненько запел, вертясь и притопывая:

*«Ой я девица краса – ой люлюшки-люлт,  
У меня злата коса – люлюшки-люли...»*

К нему подскочил другой скоморох в блестящем варяжском шлеме с личиной. Начал выбрасывать коленца, ходить вприсядку, пытаться вытащить из-за спины огромный меч. У него не больно получалось, он упал, покатился под ноги размалеванному скомороху-невесте, а тот только перепрыгнул через него, вертя пестрым подолом.

Игорь засмеялся, поняв, что скоморохи высмеивают сватание варяга Гуннара. Он невольно покосился туда, где сидел бывший жених княжны. Лицо варяга стало мрачнее тучи, но он делал вид, будто ему нет никакого дела до представления, помешивал в стоявшей перед ним бадейке резным ковшом-утицей. И еще Игорь с некоторым облегчением заметил, что Ольга не обращает внимания на варяга, смотрит на выходки скоморохов, улыбаясь и перебирая на груди косы.

А скоморохи все чудили, развлекаая веселившихся гостей.

Теперь перед скоморохом в сарафане выхаживал гоголем шут в драпированном складками плаще и византийских сапожках. Притопывал, делал поклоны, пятился мелкими шажками, а потом выхватывал из-под полы то цветной венки, то бубенцы, норовя примерить все это на скомороха-девку, как будто одаривал. Она же еще пуще принималась скакать, уворачиваясь и гримасничая.

Вокруг стоял громкий хохот, кое-кто даже вытирал выступившие от смеха слезы. А когда скоморох-невеста поддал шута, изображавшего византийца, под зад, да так, что тот полетел через голову, кувыряясь, до самых столов, толпа просто загудела. Только настоящий жених

– Ипатий Малеил, не принимал участия в веселье, а вежливо улыбался, делая вид, что не воспринимает всерьез проделки шутов.

Однако хазарский царевич Овадия не стерпел, когда среди скоморохов появился его двойник и, гарцуя на жерди с лошадиной головой, стал кружить и подскакивать к выряженной невесте. Перескочив через стол, Овадия бросился к шуту, схватил за шиворот, стал трясти, пока тот под громкий хохот окружающих не вырвался да не юркнул под стол. Овадия счел ниже своего достоинства преследовать скомороха и удалился прочь, не обращая внимания на выкрики подгулявших гостей.

Игорь тоже смеялся, пока смех не замер у него на губах, когда он увидел среди скоморохов своего двойника. У актера была всклокоченная черная шевелюра со светлым клоком посередине, он то и дело распахивал свою широкую накидку, показывая веселящимся гостям подвешенный между ногами огромный член из скрученной соломы и выражая явное удовольствие по этому поводу. К скомороху, изображавшему Игоря, то и дело льнула девица с демонстративно большими грудями и длинной мочальной косой, одетая в некое подобие кольчуги. Это был явный намек на Ольгу, однако сама псковитянка, разобрав, в чем дело, только смеялась.

Игорь тоже хмыкнул, наблюдая за тем, как выряженный невестой скоморох в сарафане оттолкнул «Ольгу», даже стал гоняться за ней, а двойник Игоря при этом от удовольствия подпрыгивал высоко да радостно тряс соломенным членом. Закончилось все тем, что их со Светорадой двойники сошлись в буйном танце, напоминавшем совокупление, когда же танец закончился, из-под сарафана скомороха-невесты стали выскакивать мальчишки скоморохи, мал мала меньше, как знак плодovitости невесты.

Игорь сам не заметил, когда начал хохотать и вместе с другими громко хлопать выстроившимся в ряд и кланяющимся скоморохам. Что ж, на Руси выходки этих охальников всегда были любы толпе, им принято было прощать все, даже издевку, а неудовольствие, которое только что продемонстрировал Овадия, только еще больше располагало зрителей к актерам.

Не успели скоморохи под веселые выкрики толпы удалиться, как от дальнего конца столов повели хоровод плясуньи. Девушки двигались вереницей, сплетя кисти рук, пели протяжно:

*«Ягода к ягоде наклонилась,  
Ягода с ягодой сговорила...»*

Голоса девушек лились звонко и плавно, да и сами плясуньи были все как на подбор: стройные, длиннокосые, в длинной белой одежде, словно лебедушки, с пышными венками на голове. Любуясь девицами, Игорь не сразу разглядел среди них свою нареченную. Заметил вдруг оживление среди гостей, увидел, как плясуньи красавицы стали расходиться, мелькая белыми рубашками, словно березки в роще, а за ними появилось некое сияние.

Было ли так все задумано заранее или от дочери варяга Эгиля и смолянки Гордоксевы и впрямь лился свет, но она показалась Игорю яркой, лучистой, будто сотканной из блеска и огня. «Просто свет так падает на девку», – одернул он себя, однако продолжал во все глаза смотреть на идущую через обширный двор княжну.

Она была величавой и нарядной. Ее длинные распущенные волосы, спускаясь волнами из-под сверкающего очелья, обтекали небольшую фигурку, как расплавленное золото. Белое парчовое платье мерцало, красиво ниспадая до земли, на широких рукавах блестели нашитые золотые круги. И держалась Светорада столь горделиво, словно всеобщее внимание не смущало ее, а придавало уверенности. Никакого волнения, положенного девице на смотре, никакой робости, одна величавая краса и светлая улыбка.

Миновав двор, она ускорила шаг, почти взбежав на ступени крыльца, к верхнему столу, и этот ее порыв будто взбодрил толпу, так что, когда она кинулась на грудь поднявшемуся из-

за стола Эгилю, а потом весело оглянулась на гостей, те взорвались криками и здравницами, поднимая чаши, ликовали, словно появление княжны одарило их великой радостью.

Князь Эгиль, уже достаточно хмельной, гордящийся своей дочерью, громко воскликнул: – Вот она! Вот она краса Смоленска, княжна Светорада! И это я ее породил!

Гордоксева пыталась было урезонить мужа, тянула за рукав, но Эгиль только смеялся, слушая крики собравшихся, целовал дочь, прижимал к себе. Тут и Олег поднял кубок за здоровье Светорады. Игорь же, наоборот, ощутил некую досаду, оттого что при появлении княжны о нем забыли. С чего это все, словно одурев, славят девку, не обращая внимания на прибывшего сватать ее жениха? Отчего все так носятся с ней, когда тут собрались князья и самые прославленные воины? Ни одной славнице такое возвеличивание не пристало, будь она хоть трижды княжьего рода.

Тут он заметил, что прильнувшая к отцу Светорада внимательно глядит на него. И улыбнулась безо всякого смущения. Ее глаза показались Игорю почти черными, в то время как сама она светилась и сверкала, будто золоченая драгоценность.

– Пляши, Светорада! – вдруг громко приказал Эгиль. – Пляши для отца своего и всего честного народа!

Игорь растерянно взглянул на Олега, ожидая, что тот остановит хмельного Эгиля, напомним, что эта нарядная девушка уже предназначена Игорю и все они собрались, чтобы огласить обручение, а не для того чтобы его невеста тешила людей подобно скоморохам. Однако Олег сейчас, казалось, тоже был увлечен всеобщим ликованием и поднял кубок, требуя танца.

Княжна вернулась во двор, стала на свободном пространстве среди устремленных на нее взглядов, уперев руки в бока. Гости вокруг гомонили, однако, едва раздался перезвон гусельных струн – переливчато, неспешно, словно исполнители только выбирали плясовую, – шум стал стихать.

Княжна стояла, чуть поводя плечами в такт музыке. Ее темные брови изогнулись лукаво, она искоса бросила взгляд на гостей и вдруг по-лебединому взмахнула руками, так что широкие рукава разлетелись крыльями. И пошла, поплыла по кругу, разведя руки, приподняв кисти, звеня скользящими по руке браслетами.

Музыка зазвучала громче, веселее, к переливам струн теперь добавились мелодичные звуки поющего рожка, а княжна все плыла, ускоряя шаг вслед за нараставшей мелодией. Ее руки то взлетали над головой, то опадали, легче становился шаг, быстрее неожиданные повороты. А потом, подхватив длинный подол, Светорада стала отступать, перебирая быстрыми и ловкими ногами, выбивая каблучками дробь. Так плясали и девушки в весеннем танце, но во всех движениях княжны были такая грация, такая восхитительная легкость и красота, что гости не могли оторвать от нее глаз, прихлопывали, стучали кубками о столешницы, забыв о вине, а когда ритм ускорился, когда княжна закружилась, то взмахивая руками, то отступая, а потом вновь полетела, распушив золотое облако волос, двор взорвался криками. Они переросли в восторженный рев, когда девушка стремительно остановилась, ее подол обвился вокруг ног, а она рассмеялась, глядя вокруг, и стремительно бросилась на крыльцо, спрятав сияющее лицо на груди отца.

Игорь тряхнул головой, отгоняя наваждение. «Да ей впору с мавками плясать на заре, а не жить среди людей». Он видел, как радостно шумящие гости выходили из-за столов, спешили к крыльцу, выкрикивая здравницы и благие пожелания княжне. Все были оживлены, веселы, не столько от выпитого, сколько от какой-то непонятной радости, охватившей их после пляски Светорады.

Игорь не сразу ощутил на себе взгляд Олега, но Вещему все же была дана великая сила, и, когда он поднял руки, призывая к вниманию, захмелевшие разгоряченные гости начали успокаиваться, отступая от крыльца и глядя на великого князя Руси.



Наконец, когда гомон стих, Олег поклонился Эгилу Смоленскому и громко спросил: готов ли тот отдать его воспитаннику Игорю сыну Рюрика руку своей дочери Светорады? Эгиль ответил согласием, поблагодарил за оказанную честь, а Игорь вновь ощутил на себе веселый оценивающий взгляд княжны. Когда же князья ударили по рукам, а люд вокруг разразился радостными восклицаниями, Светорада первая шагнула к Игорю. Он подумал, что раскрасавица княжна могла хотя бы глаза опустить для приличия, так нет же, пялится и хохочет, а он даже смутился, словно юнец неопытный, чувствуя, как она окидывает его быстрым взглядом с ног до головы.

«Словно коня при покупке оценивает», – мелькнула неприятная мысль. У него появилось ощущение, будто не Светораду стоваривают за него, а его привезли в подарок Смоленской княжне.

Однако когда наконец стихли громкие приветственные крики, все пошло по обряду. Светорада с поклоном поднесла Игорю чашу вина, он испил, а потом, как положено, надел ей на палец перстень. Перстень был богатый: яркий красный рубин в оправе желтых эмалевых узор и оправе из золота.

– Византийская работа, – со значением заметил Игорь и все же улыбнулся, видя восхищение невесты.

Княжна ответила ему улыбкой, а потом подняла руку, давая всем убедиться в ценности дара жениха. Кто-то разглядывал на ее руке обручальное кольцо, кто-то просто любовался девушкой, только все опять разразилось радостными возгласами, зашумели, желая молодой паре многие лета. Только после этого, когда жених и невеста троекратно расцеловались, причем оба при этом украдкой следили друг за другом, – Эгиль и Олег соединили их руки и объявили обрученной парой.

Вновь звучала музыка, вновь гости сдвигали чаши. Было решено, что свадьба состоится на исходе лета, когда князья совершат поход к Киеву (о причине похода не упоминалось, так как говорить о предстоящих суровых событиях было недобрым знаком на обручении) и уже будет собран урожай. А до тех пор Игорь и Светорада будут считаться женихом и невестой.

– Ты доволен, что берешь меня в жены? – негромко спросила Игоря сидевшая подле него Светорада.

Игорю было немного не по себе, оттого что она так непринужденно держится с ним и первая начала разговор. И он сказал ей, степенно, как неразумному дитя:

– Тебе еще многое надо уразуметь, княжна, многому научиться.

Она чуть подняла брови, словно удивляясь строгости его речей. Но потом опять улыбнулась, лукаво поглядев из-под длинных ресниц.

– Вот ты меня и научишь, Игорь. Я ведь твоя теперь.

Он предпочел смолчать. Отчего-то чувствовал смущение подле этой красивой и уверенной в себе княжны. И это его раздражало.

Тем временем по-летнему теплый вечер уже переходил в ночь, а хмель все сильнее разбирал гостей. За столами уже начали горланить боевые походные песни, где-то спорили, слышался визгливый женский смех – там, где опьяневшие пирующие тянули к себе девок. Княгиня Гордоксева первая поднялась, давая понять, что женщинам пора покидать пиршество. В это время Олег наклонился к Игорю.

– Иди, проводи свою суженую.

Проводить означало пройти с невестой вдоль столов, выказав этим уважение всем присутствовавшим на обручении. Многие захмелевшие гости, не стесняясь, бросали Игорю, дескать, небось, жених жалеет, что это не брачная ночь. Звучали и совсем сальные шутки, но у большинства еще хватало разума держаться с почтением, кланяться, желая молодым всего наилучшего.

А потом, когда они обошли уже почти все столы, случилось неожиданное.

– Стемка, ты ли это? – воскликнула княжна.

Ее рука, до этого покорно лежавшая в ладони жениха, вдруг забилась пойманной птицей, выскользнула, и девушка стремительно направилась к самому дальнему столу, за которым сидели младшие дружинники и еще не прошедшие посвящение отроки.

Игорь просто стоял и смотрел, растерявшись и не зная, что предпринять. Видел, как его невеста, перегнувшись через столешницу, протягивает руку одному из его дружинников – Стеме Стрелку.

– Здравствуй, Стемушка, – весело обратилась она к невозмутимо смотревшему на нее молодому воину. – Вот мы и свиделись!

Одна бровь Стемы недоуменно поднялась, он насмешливо хмыкнул. И от этого княжна смутилась, отступила, едва не налетев на ожидавшего ее жениха. Вскинула на Игоря глаза, а посмотрела так, словно не сразу поняла, кто перед ней. И только через мучительно долгое мгновение смогла взять себя в руки.

– Доброй тебе ночи, суженый мой.

Низко склонилась, почти коснувшись длинными волосами земли, потом круто повернулась и пошла прочь.

## Глава 6

Княжич Асмунд сидел в легком кожаном кресле, в каком его носили по терему. Его истончившиеся от долгой обездвиженности ноги укутывал пушистый вязаный плат. Княжич задумчиво глядел в распахнутое окно своей горенки. Там высоко в небе плыл тонкий серп молодого месяца.

«Не толще пальца младенца был он в день уговора Светорады с молодым Киевским князем, – думал Асмунд. – Теперь же лик его подрос. Н-да, хорошо, что обручение состоялось при растущей луне. Всякое доброе дело надо начинать, когда светлый месяц прибывает. Особенно брачный сговор».

И еще проскользнула мысль: при растущей луне Олег Вещий обещал поставить его на ноги. А Олегу Вещему младший сын Смоленского князя верил, как никому другому.

И все же Асмунду было не по себе, оттого что князь-кудесник не спешит исполнить обещание. Уже несколько дней миновало после обручения княжны и Игоря, а Олег только издали значительно поглядывает на хворого сына Эгиля. Асмунд понимал, что сейчас у Вещего много хлопот, однако в былые приезды, как бы ни был он загружен, всегда находил время навестить своего подопечного. А княжич уже несколько лет был его подопечным.

– Саид, – обратился юноша к сидевшему под стеной лекарю – рабу из агрян<sup>65</sup>, – точно ли князь Олег дал понять, что навестит меня сегодня?

Смуглый худой Саид в синей чалме перестал перебирать четки и чуть кивнул. Он был нем: рабу незачем болтать, и его лишили языка.

Асмунд снова вздохнул так глубоко, что дрогнул огонек на толстой витой свече перед ним. Что ж, он подождет. Ибо если в княжиче еще оставалась надежда, что однажды он встанет на ноги, сможет ходить и даже вденет ногу в стремя, то эта надежда была связана только с князем-ведуном Олегом Вещим.

Горница Асмунда в высоком тереме была богатой, как и все в тереме его отца. Резьба на оконных наличниках, выскобленные до белизны половицы, на столе узорчатая скатерть, в углу высокое ложе, однако без перины, только доски под тонким покрывалом. Спать без перины Асмунду велел Олег, когда впервые пришел навестить мучавшегося от болей в спине княжича. Тогда же он подарил ему и немного лекаря Саида. Лекарь с тех пор постоянно растирал Асмунду спину и ноги, а еще вкалывал в ослабевшее тело тонкие иголки, что-то лопоча немymi устами, будто читая заклинания, потом опять растирал. И вот, когда этой зимой стал сходить снег, Асмунду стало казаться, что он чувствует уколы иголок лекаря, а по ночам иногда даже удавалось пошевелить пальцами ног. Саид тогда знаком велел княжичу начинать чуть приподниматься в кресле, но тот не мог решиться на это. Как же так, если Олег еще не снял своим чародейством немочь? Без приказа Вещего он ни за что не сможет подняться. И сразу же послал в Киев вестового с сообщением.

Со двора донеслись громкие голоса, потом послышалось пение. И голос тиуна, просившего уgomониться. Да, шумно ныне в детинце Смоленска, когда столько людей на постое. И все еще обсуждают обручение Игоря с княжной. Асмунд из окошка в своей горнице иногда видел их вместе: Игоря – статного и рослого, с вьющейся белой молнией в волосах седой прядьи, и свою сестру – нарядную, улыбчивую, будто испускавшую золотистое сияние. Они были красивой парой, и радостно было глядеть на них. Но и тревожно. А отчего тревожно? Асмунд скорее угадывал, чем видел, что между этими двумя нет притяжения. Так, улыбаются порой друг другу, иногда за руки берутся, но все это будто для вида, для других. Да еще и эта история во время сговора, когда Светорада оставила жениха, чтобы приветствовать друга детства Сте-

---

<sup>65</sup> Агряне – арабы.

мида. Тогда почти все говорили об этом, а князь Эгиль даже в гнев пришел, узнав, что Стемка в Смоленске. Но утро вечера мудренее – и с рассветом воевода Кудияр услал сына куда-то, а Эгиля отвлекли дела. Обошлось.

«Стемка глупец, если решил вернуться», – подумал мудрый княжич Асмунд. Однако в глубине души был рад появлению приятеля. В детстве они дружили, не раз ходили рыбу удить, а то и на охоте по несколько дней пропадали. Со Стемкой всегда было весело, хоть и дерзок тот был и на язык остер, всегда что-то потешное затевал. Пока не додумался покуситься на Смоленскую княжну. Много тогда шума было, сильно разгневал он родителей Светорады. Сам Асмунд рассержен был так, что не вступился за приятеля, когда отец стал пороть дерзкого воспитанника. И вот теперь Стемид явился как ни в чем не бывало. Неужто думал, что прошлое быльем поросло? А Светорада и впрямь повела себя так, будто все забылось и она несказанно рада возвращению Кудиярова сына.

Асмунд думал об это, когда скрипнула дверь и князь Олег вошел, пригнувшись под низкой полукруглой притолокой. Выпрямился – высокий, худощавый, сильный, исполненный достоинства, размах плеч орлиный. Олег был в свободной длинной рубахе, с простым, как у кузнеца, кожаным очельем, но все равно было видно, что это правитель.

– Ждешь меня, – то ли спрашивая, то ли утверждая, произнес Вещий. – Добро.

Памятуя, что он все-таки княжеский сын, Асмунд старался сдерживать нетерпение, однако оно прорывалось – в горящих глазах, в том, как побелели костяшки пальцев, вцепившихся в подлокотники кресла.

Олег чуть улыбнулся в усы. Мельком взглянул на лекаря у стены, заметил, как тот слегка кивнул.

– Сегодня встанешь, – заявил Вещий княжичу.

Он положил ладонь на голову Асмунда, потом провел кончиками пальцев по лицу юноши, заставив прикрыть глаза. Княжич замер, ощущая, как от этого прикосновения растекается по телу легкое тепло. Он почувствовал, как руки Олега чуть сжали его плечи, скользнули к запястьям. А потом Вещий опустил перед ним на колени, и тепло от его рук переместилось на ослабевшие ноги, побежало по жилам. Олег что-то негромко шептал, потом резко поднялся, отошел. Асмунд глядел на рослого Олега снизу вверх, даже не представляя себе, какая мольба написана у него на лице.

– Иди ко мне, – позвал Олег, протянув к юноше руки. – Иди, ты сможешь.

Княжич ощутил настоящий ужас. Двинуться к Олегу, пройти это огромное пустое пространство в три шага... Где взять силы, откуда дерзость такая возьмется?

– Боюсь... – выдохнул он слабое, не княжеское слово.

Но Олег глядел мерцающими зелеными глазами, глядел и приказывал.

К Асмунду на помощь поспешил Саид, подставил худое плечо. И Асмунд вцепился в него, стал подниматься. Встал. Колени дрожали и, казалось, сейчас оплывут, как размягченный воск. Он едва не закричал, так больно закололо в ослабевших мышцах сотнями острых иголок.

– Я рядом, – услышал он Вещего. – Я жду. И приказываю: иди!

Асмунд шагнул вперед. Шаг, еще один. Еще...

Когда дрожащие слабые ноги юноши подкосились, Олег успел поддержать его. А потом Асмунд рыдал на полу, сотрясаясь от плача, уткнувшись в колени князю и не думая ни о своем достоинстве, ни о том, что Олег видит его слабость. Вещий спокойно и ласково гладил его по вздрагивающим плечам, по голове, почти как мать успокаивающая плачущего ребенка.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.